

ДЕТЕКТИВЫ О ЖЕНЩИНЕ-ЦУНАМИ

Ирина Градова

с лотом
под звездным
СОУСОМ

Детективы о женщине-цунами

Ирина Градова

Ложь под звездным соусом

«ЭКСМО»

2016

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Градова И.

Ложь под звездным соусом / И. Градова — «Эксмо»,
2016 — (Детективы о женщине-цунами)

ISBN 978-5-699-86514-7

Регина Гнедич имела репутацию адвоката, который не проигрывает ни одного из дел, за которые берется. Обратиться к ней за помощью мог далеко не всякий – Гнедич очень привередлива в выборе клиентов. Поэтому, когда на подземной парковке Регину подкараулила замерзшая девушка и попросила взяться за ее защиту, шансы у нее были невелики. К тому же дело, с которым пришла Устинья, не входило в привычный круг вопросов, которыми занималась Гнедич: девушка жаловалась на попытку изнасилования со стороны бывшего начальника Сугривина и последовавшее за этим увольнение. Внимательно выслушав Устинью, Регина отказалась представлять ее интересы в суде. Однако, когда в скором времени по всем телевизионным каналам сообщили о том, что Сугривин убит, а по подозрению в убийстве задержана Устинья, Регина первой бросилась на защиту девушки...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-86514-7

© Градова И., 2016
© Эксмо, 2016

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.	47
-----------------------------------	----

Ирина Градова

Ложь под звездным соусом

© Градова И., 2016

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

* * *

Пролог

Она старалась не смотреть в зеркало. Как назло, в этом лифте оно гигантское, и куда бы она ни взглянула, не могла скрыться от собственного отражения. Если бы удалось преодолеть отвращение и стыд, она увидела бы огромные, как у лемура, испуганные глаза с темными разводами от туши и теней, распухшие, искушенные до крови губы и растрепанные светлые волосы, нимбом окружавшие бледный, покрытый испариной лоб. Она тщетно пыталась запахнуть блузку на груди, так как пуговицы оторвались, и только одна жалко болталась на нитке, словно цветок с поникшей головкой. Черт, эта блузка стоила две пятьсот... Господи, о чем она думает! Только бы лифт не остановился до технического этажа!

Как назло, кому-то срочно потребовалось его вызвать, и кабина, вздрогнув, замерла. Она изо всех сил вдавила кнопку «стоп», надеясь, что дверь не откроется. Если это произойдет, придется смотреть в глаза попутчику, а в его взгляде она прочтет немой вопрос, или, не дай бог, он начнет интересоваться, что произошло... Нет, этого ни за что нельзя допустить!

К счастью, электроника данного типа лифтов достаточно чувствительна, и кабина, на несколько секунд зависнув в воздухе, снова трепыхнулась и продолжила спуск. На табло зажглась цифра «5». Она закусила губу и зажмурилась, надеясь, что больше никто не пожелает войти.

* * *

Регина начала снимать шубку еще в подземном гараже; хотя на улице минус восемь, она чувствовала, что больше ни минуты не сможет таскать на плечах такую невероятную тяжесть. На самом деле шубка почти ничего не весила, но все тело ломало, и Регина буквально ощущала, как в голове тяжело и неповоротливо шевелятся извилины, словно плохо смазанные колеса часового механизма.

Процесс длился три с лишним месяца, а последнее заседание растянулось на восемь с половиной часов – она думала, что скончается прямо в зале суда, так и не услышав вердикта! С другой стороны, приговор был очевиден: ее команда отлично потрудилась, а прокурор на заключительном слушании походил на нашкодившего подростка, пристыженного взрослыми за плохо выполненное домашнее задание. Надо будет пригласить его выпить в какое-нибудь приятное место в знак примирения, а то, чего доброго, отольются Регине «мышкины слезы»!

Она едва подавила желание скинуть сапоги на высоких каблуках прямо сейчас: остановило ее лишь то, что бетонный пол холоден, как лед, а на ногах тонкие колготки. Горячая ванна с ароматной пеной, чашка горячего чая с травами, который мастерски заваривает Савишна – и баиньки...

– Регина Савельевна?

Тоненький, почти детский голосок, прозвучавший совершенно неожиданно, заставил ее подпрыгнуть чуть ли не до низко нависающего потолка гаража. Из тени на тускло освещенную площадку выступила тонкая, высокая фигура, закутанная в пуховик. Регине пришлось задрать голову, чтобы взглянуть незнакомке в глаза: несмотря на каблуки, ее макушка едва доставала девушке до переносицы.

– Господи, к-кто в-вы?! – пробормотала она, разглядывая странную личность. – Что вы тут делаете?

– Мне о-очень нужна ваша помощь! Охранник отказался меня впускать в подъезд, вот я и решила подловить вас тут.

«Подловить» – очень верное слово! Регина намеревалась жестко отослать девицу прочь, но заметила посиневшие губы и красный нос: холод здесь стоял собачий – едва ли в гараже теплее, чем на улице.

– Сколько вы уже ждете? – спросил она девушку.

– Часа полтора, – неуверенно ответила та, переминаясь с ноги на ногу.

– Ладно, – подавив стон, вздохнула Регина, – идите за мной!

Пока они проходили по вымощенному итальянским кафелем фойе к лифту, Регина краем глаза заметила, что нежданная гостья с восхищением озирается по сторонам, разглядывая светильники из чешского стекла, диваны с журнальными столиками и картины на выкрашенных в светлые, жизнерадостные тона стенах. Правильно ли она делает, что ведет девушку домой? Регина сама себе удивлялась, но замерзшая незнакомка представляла собой такое жалкое зрелище, что она не могла поступить иначе.

– Это что еще за явление Христа народу?!

Таковыми словами их встретила Саввишна, выплывшая в коридор в закатанных до колена джинсах и с тряпкой в руках. Справедливо, если учесть, что Регина крайне редко приглашает гостей, ценя уединение своей «крепости»! Гостья в ужасе пялилась на Саввишну, что вполне объяснимо: хоть девушка и отличалась высоким ростом, домработница наверняка показалась ей настоящей великаншей. Около двух метров в высоту (благо потолки три с полтиной!), с древоподобными руками и ногами, она напоминала горного тролля из древнегерманских сказаний. Тем не менее в Саввишне не было ни грамма лишнего жира: он равномерно распределился по всей ее громадной фигуре, нигде не создав неприятных складок. Лицо ее, моложавое и приятное, не сразу бросалось в глаза, так как первым делом неподготовленный зритель обращал внимание на габариты.

– Нам нужно две чашки чая, – вместо приветствия произнесла Регина, бросая шубу на пуф у двери. – И, наверное, чего-нибудь перекусить?

– *Перекусить?* – не веря своим ушам, переспросила Саввишна. – В *одиннадцать* вечера?!

Регина кинула на нее строгий взгляд, и Саввишна, вытерев мокрые ладони о джинсы, поинтересовалась:

– Салат или котлеты?

– Господи, какие котлеты – в *такое* время?! – возмутилась Регина, стягивая сапоги, которые, казалось, приросли к колготкам.

– Ладно, ладно, – пробурчала женщина и направилась на кухню. Задержавшись на мгновение, она через плечо еще раз окинула нежданную гостью подозрительным взглядом и скрылась за дверью.

– Раздевайтесь, – предложила Регина.

– Я ненадолго! – пробормотала девушка. Она явно чувствовала себя не в своей тарелке. Это хорошо, потому что Регина терпеть не могла наглых людей, принимающих хорошее отношение как должное и пользующихся чужой добротой. Может, дело и впрямь не затянется, и она получит-таки свою ванну с пеной, только на полчаса позже?

* * *

– Мне жаль, что вы зря потратили время, – сказала Регина, выслушав незнакомку.

Девушка отогрелась, и ее лицо приобрело нормальный оттенок. Довольно обыкновенные, не слишком выразительные черты лица. *Молодая* девчонка, и этим все сказано. Никакой косметики, светлые волосы (похоже, цвет натуральный), серые глаза, хорошая кожа. Ничего особенного, за исключением имени. Это надо же – назвать ребенка *Устиньей!*

– Но почему же зря? – растерянно переспросила гостя. – У меня есть деньги, а если...

– Милочка, дело не в деньгах, – перебила Регина. После двух чашек чая она расслабилась, однако у нее не было ни малейшего желания затягивать беседу. Регина поступила как добрая самаритянка – отогрела бедняжку, покормила и выслушала, пора бы и честь знать. – Я не веду дела об изнасилованиях, понимаете?

– Я знаю, – кивнула девушка. – Прежде чем сюда прийти, я почитала о вас в Интернете: вы беретесь только за те дела, которые приносят большие деньги.

– Нет, дорогуша, – возразила слегка уязвленная Регина. – Я берусь за дела, которые можно *выиграть!* Кто дал вам мои координаты? В Интернете нет моего домашнего адреса, значит...

– На самом деле адрес дала мне одна подруга, но она просила не называть своего имени. Кстати, она предупреждала, что вы, скорее всего, откажетесь.

Регина с новым интересом взглянула на Устинью. А она не промах, эта девица!

– Ваше последнее дело наделало много шума, – продолжала девушка. – Думаю, то, что я предлагаю, также может пойти вам на пользу.

– Мне *на пользу?*

– Ну да, ведь речь о самой крупной пивной компании в России!

– Вы ходили в полицию?

– С чем? – пожала плечами гостя. – Изнасилования ведь не было, только попытка.

Не дура – это хорошо. Регина спрашивала себя, отчего не выставляет Устинью за дверь и продолжает вести этот никчемный разговор.

– Я вообще не понимаю, что вы здесь делаете! Вас *не* изнасиловали – значит, вам не в чем обвинить этого, как его...

– Егора Петровича Сугривина.

– Вот-вот.

– Но меня уволили!

– Досадно, но вы молоды и, похоже, не лыком шиты – не пропадете. Сами подумайте, может, это и к лучшему: пивной концерн – не лучшее место для молодой девушки. Кругом грубые мужики, мат стоит, наверное, как на стройке, вряд ли к такому можно привыкнуть!

Знала бы она, к чему Устинья привыкла! «Школа выживания», через которую она прошла, выбраковывала, уничтожала самых слабых. Средние влачили жалкое существование. Сильные пытались бороться. Устинья была из последних, и она боролась. Цеплялась зубами за любую предоставляющуюся возможность, лезла вверх, ломая ногти... Девушка рассматривала адвокатессу, стараясь, чтобы это не выглядело слишком явным. Она не видела таких женщин вблизи, только на экране телевизора – в латиноамериканских сериалах, пожалуй. В Интернете размещено достаточно снимков Регины Гнедич, но Устинья не думала, что в жизни знаменитость окажется еще более привлекательной. И необычной! В одной из статей девушка вычитала, что отец адвокатессы родом из Ростовской области, а мать – кенийка. Он занимался расследованием крушений авиатранспорта, а она работала стюардессой на международных авиалиниях. Они познакомились, когда пассажирский лайнер, приобретенный правительством Кении в СССР, разбился в районе Найроби во время приземления. Видимо, от матери Регине

достались смуглая кожа и черные волнистые волосы. А глаза, огромные, ярко-голубые, скорее всего, отцовское наследие. Негроидные черты в ее точеном, гладком лице едва угадывались, и все же сразу становилось очевидным, что Регина – не стопроцентная европейка. Небольшого роста, с тончайшей талией, но довольно широкими бедрами и большой грудью, адвокатесса являла собой мечту многих мужчин. Из Сети Устинья знала, что ей тридцать шесть лет, но, не имея она этой информации, вряд ли дала бы Регине больше тридцати: гладкая кожа, прямой, открытый взгляд и подтянутое тело легко могли обмануть кого угодно. А еще Устинье было известно, что эта женщина – настоящий питбуль, когда речь идет о защите клиента. В борьбе с прокурорами она вела себя как заправский пират, не гнушаясь никакими методами, и была готова на все, чтобы выручить того, кто вверял ей свою судьбу. Однако Устинья решила обратиться к Регине не поэтому, а потому, что у той существовал принцип, который внушал уважение: адвокатесса всегда подчеркивала, что защищает лишь тех клиентов, которым *верит*. Если клиент виновен, она не станет заявлять, что он чист, как первый снег, но сделает все, чтобы смягчить наказание. Если же он ни в чем не виноват, Регина перевернет небо и землю, но вытащит его из переделки. Она не имела дел с уголовным миром и не выступала на стороне людей с грязной репутацией, что обеспечило ей славу «белого воротничка» от юриспруденции. Балансировать на этой тонкой грани чрезвычайно сложно, ведь при наличии таких жестких принципов выбор клиентов ограничен. Тем не менее Регина потратила годы на то, чтобы сделать себе имя, а потому могла рассчитывать, что те, кто не соответствует «стандартам», не посмеют даже переступить порог ее офиса. По этой причине Устинья не стала пытаться попасть к Регине на прием, а предпочла подкараулить в гараже.

– Чего вы желаете добиться? – спросила Регина, чувствуя, что пауза затягивается. – Хотите вернуться обратно на работу?

– Нет, – качнула головой девушка, – я же понимаю, что мне не позволят остаться и найдут предлог, чтобы выкинуть на улицу.

– Тогда что у вас на уме?

– Я хочу их *наказать*.

Это что-то новенькое: принципиальная мстительница? Такие люди, Регина знала по опыту, встречаются редко. В большинстве случаев клиента с трудом можно заставить бороться за себя, а тут – такая решимость... Интересный экземпляр!

– Скажите, – произнесла она, стараясь, чтобы ее любопытство не показалось гостю слишком явным, – а как вам удалось справиться с вашим начальником?

– Я ударила его между ног бронзовой статуэткой, – спокойно пояснила Устинья. – Он прижал меня к столу, и я поняла, что попалась...

– Почему же не шарахнули по голове со всей дури, а метили в пах?

– Да вы что, меня же могли засудить!

А она молодец! Несмотря на угрозу изнасилования, не потерять присутствия духа и сохранить холодную голову – это говорит о твердости характера и хороших мозгах. Идиот этот, как его... Такую девку в штате надо холить и лелеять, а не пытаться лезть к ней в трусики. Тем не менее Регина сказала:

– Ну, раз вы так хорошо разбираетесь в законах, то поймете, что ваше дело, простите, выведенного яйца не стоит!

– Я понимаю, – согласилась Устинья, – поэтому пришла не с пустыми руками. Вот, – и она положила на стеклянный стол листок, вырванный, очевидно, из блокнота.

– Что это? – с подозрением спросила Регина, косясь на бумажку.

– Список женщин, которые, предположительно, пострадали от Сугривина. Я, правда, с ними еще не говорила, но...

– Их всех тоже уволили?

– Некоторые ушли сами, другие, по моим сведениям, получили отступные – за молчание. Руководство концерна покрывает одного из высокопоставленных работников и делает это сознательно!

Черт подери, она хороша: впервые в жизни Регина видела потенциальную клиентку, которая *сама* пыталась добыть для адвоката важные сведения! Нет, конечно, дело она все равно не возьмет – не ее профиль, – однако что-то для этой девицы Регина сделать просто обязана.

* * *

Регина распахнула глаза и несколько раз моргнула, прогоняя остатки сна. Она всегда просыпалась сразу, не валяясь и не растягивая время подъема. Следуя рекомендациям физиологов, она вытянула вверх одну руку, вторую, позволяя мышцам растянуться после сна, затем подняла правую ногу под углом в девяносто градусов, пошевелив ступней туда-сюда, а после проделала то же с левой. Регина старалась двигаться аккуратно, чтобы ненароком не задеть лежащего рядом мужчину.

– Ну, ты прямо как паук! – пробормотал он спросонья.

– Тебе тоже пора подниматься, – заметила Регина, спуская ноги на шелковый ковер и кожей пяток ощущая его нежную, гладкую текстуру. – Во сколько суд?

– В десять, – громко крикнул сосед по кровати и перекатился на спину, наблюдая за ее грациозными движениями. Его жена, пожалуй, всего на пару лет старше, но она и вполтину не так хороша – распустилась за годы совместной жизни, отрастила целлюлит, ноги бреет от случая к случаю... Слава богу, она укатила к матери на две недели! Господи, ну почему жизнь так несправедлива? Почему он не может каждое утро просыпаться в одной постели с прекрасной женщиной, к которой хочется прикоснуться снова и снова? К ее смуглой атласной коже, жестким, волнистым волосам, струящимся по гладким, полным плечам, к ее большой, красивой груди...

Он зажмурился и потряс головой, отгоняя наваждение. Интересно, а что *она* думает по этому поводу? Если бы Регина только намекнула... Нет, конечно, у него обязательства перед детьми, но они уже почти взрослые и наверняка переживут развод. Кроме того, он ведь не намерен бросать их – просто переедет в другое место, а в остальном ничего не изменится. Но что-то подсказывало, что у Регины найдется масса возражений – не зря она так долго и упорно избегала брака. И как только такой аппетитной красотке удалось ни разу не «сходить замуж» – даже в юности, когда в голове гуляет ветер и гормоны бьют фонтаном? Это говорит лишь о том, что уже тогда она руководствовалась холодным рассудком, а не эмоциями. А как хотелось думать, что уж от него-то Регина точно теряет голову! Вчера вечером так и казалось – она умеет дать мужчине почувствовать, что он единственный, с кем ей действительно хочется находиться. В данный конкретный момент.

Стоя перед большим зеркалом в ванной, Регина разглядывала припухлости под глазами. В отличие от большинства женщин своего возраста с утра она выглядела неплохо, хотя десять лет назад, конечно, проблем вовсе не было. Когда она выйдет, их никто и не заметит. Регина решительно повернула кран с холодной водой и взяла в руки маленькую душевую лейку для раковины. Направив сильную струю прямо в лицо, она закрыла глаза. Ледяная вода обожгла кожу, заставляя каждый миллиметр лица зажить собственной жизнью. Решив, что уже достаточно, Регина оставила лейку и шагнула в душевую кабину с затемненными стеклами.

Когда она снова вошла в спальню, ее любовник паялился в экран телевизора.

– Представляешь, племянника Кузьмина грохнули вчера вечером! – сказал он, не поворачивая головы.

– Кого? – безразлично отозвалась она, распахивая дверь в гардеробную, занятая мыслями о том, что надеть на завтрак с клиентом. Что-то не слишком помпезное (ведь это завтрак, а не ужин), но элегантное...

– Пиво «Пугачефф», – ответил на ее вопрос федеральный судья Тимофей Григорьевич Дуров.

– Ч-что? – переспросила Регина, резко оборачиваясь. – Сделай звук погромче!

– А чего ты переполошилась-то?

Но Регина его не слушала.

«... связывают с предстоящим поглощением концерном двух предприятий по производству спиртных и газированных напитков, – вещал бородатый ведущий, стоя на фоне здания с гигантскими бетонными буквами у парадного входа, сложенными в слово «Пугачефф». – Однако, – продолжал он, возбужденно размахивая длинными руками, словно голландская ветряная мельница, – следствию стало известно и о некоторых подробностях частной жизни Сугривина, которые могли привести к трагической развязке. Несмотря на внешне счастливый брак, зам генерального, по слухам, вел свободный образ жизни и общался с людьми самого разного толка. Среди прочих звучат имена одного известного политика и модели международного класса, чье имя не называется в целях соблюдения тайны следствия. Из достоверных источников нам стало известно, что по подозрению в причастности к убийству заместителя генерального директора задержана некая Устинья Попкова. Источник, близкий к руководству концерна, сообщает, что девушка, долгое время работавшая в головном предприятии «Пугачефф» личным референтом Сугривина, была уволена за халатность, после чего, возможно, затаила злобу на бывшего начальника...»

– Боже мой! – пробормотала Регина, пялясь в экран. – Какая ерунда...

– В чем дело? – встревоженно спросил Тимофей. – Ты его знала?

– Не его – *ее*.

– Подозреваемую?

Регина кивнула, сглотнув комок в горле. Она выпроводила девицу, всучив ей визитку Бориса Минкина, и тут же забыла о ней, занятая собственными проблемами.

– Забудь, – погладил ее по колену Тимофей. – Она ведь не твоя подруга!

– Она приходила ко мне несколько дней назад.

– Что?

– За помощью. Сказала, что этот самый Сугривин пытался ее изнасиловать. Она отбилась, но через несколько дней получила уведомление об увольнении.

– Тогда точно – забудь. Если девка грохнула насильника, причем произошло это спустя какое-то время после инцидента...

– Да знаю, знаю! – процедила Регина.

– Только не говори, что чувствуешь себя виноватой!

– С чего бы?

– Вот именно, не с чего. Такие вопросы нужно решать цивилизованным путем.

– Это как? Если бы она пришла к тебе и сказала: «Начальник пытался меня трахнуть, но я вырвалась. Он меня уволил, и я хочу, чтобы его призвали к ответу!» – что бы ты ей посоветовал?

– Найти другую работу и мужика, который способен защитить от посягательств чужих самцов.

– И это, по-твоему, *цивилизованный* путь?

– Котенок, ты же отлично понимаешь, о чем я говорю, верно? – смягчив тон, проговорил федеральный судья. – Ты не хуже меня знаешь закон и прекрасно понимаешь, что такое дело бесперспективно, с какой стороны на него ни взгляни!

При слове «котенок» она поморщилась: показалось, что так он может называть жену. Лицемер несчастный! Регине нравился этот мужчина, иначе она не легла бы с ним в одну постель, как бы сильно того ни требовали обстоятельства. Он отлично сохранился для своих пятидесяти двух. Следит за здоровьем, регулярно посещает бассейн и салон красоты, играет в теннис в юридическом клубе... И все же это не повод называть ее ласковым прозвищем собственной супруги. Регина знала Марину Дурову достаточно хорошо, чтобы понимать, почему ее муж ищет любви на стороне. Холодная, расчетливая и умная женщина, Марина посвятила жизнь поддержанию собственного статуса. Тимофей Дуров добился поста федерального судьи во многом благодаря ей. Марина была тем двигателем, который толкал его вперед и вперед, даже вопреки собственным стремлениям и желаниям. Он был честолюбивым человеком, но его честолюбие и в подметки не годилось амбициям жены. Когда они встречались на вечеринках и официальных мероприятиях, Регине не раз приходило в голову, что Марина догадывается, какие отношения связывают ее с Тимофеем, но она и пальцем не пошевелит, чтобы что-то изменить: все же одна постоянная любовница лучше, чем случайные связи. Кроме того, Марина Дурова ни за что не согласилась бы потревожить хрупкую паутину, связывающую ее с мужем, дабы та ненароком не порвалась, и она, не дай бог, не лишилась в одночасье положения, связей и достигнутого с таким трудом достатка. Регина знала – одно ее слово, и Тимофей уйдет от жены. Однако Марина могла не опасаться, так как Регина не строила планов в отношении федерального. Видимо, его супруга об этом догадывалась, потому-то положение вещей и не менялось уже долгое время.

– Ты меня вообще слушаешь? – услышала она голос любовника, донесшийся как будто издалека.

– А?

– Я говорю, что тебе стоит забыть об этом деле. Если девица невиновна, ее отпустят... Если, конечно, повезет со следователем, и если руководство «Пугачеффа» не станет давить.

– Слишком много «если»!

– Ты не рассматриваешь версию о том, что она виновна?

Регина ненадолго задумалась.

– Ты прав, – медленно произнесла она. – Понимаешь, когда я спросила, почему она, защищаясь, ударила Сугривина в пах, а не по башке, ведь в стрессовой ситуации человек способен на самые дикие поступки... Короче, Устинья сказала примерно следующее: «Вы что, меня бы за это засудили!» А пару дней спустя она, значит, совершает убийство, перестав беспокоиться о таких «незначительных» вещах?

– Обстоятельства меняются, люди – тоже.

– За несколько дней? Ты шутишь!

– Не забывай, что она хотела произвести на тебя хорошее впечатление. Они *все* этого хотят, чтобы ты взялась за защиту, поэтому твоя девушка вряд ли была с тобой на сто процентов откровенна. Помнишь, ты сама сказала, что она хотела наказать засранца – может, она избрала такой способ, так как ты отказалась ей помочь?

– Вряд ли, она имела в виду другое.

– А ты не думаешь, что девица просто-напросто хотела отсудить у концерна деньги?

– Брось, Тима, мы же не в Штатах! – рассмеялась Регина. – Самое большее, чего можно ожидать, это выплаты компенсации за вынужденный прогул и выходного пособия! Ну, если бы удалось добиться мирового соглашения...

– Все так, – перебил Тимофей, – но, согласись, это – не твой уровень. Ты уже лет десять вращаешься в кругу богатых и знаменитых, помогаешь им и их деткам выпутываться из разных передраг, а эта девчонка... Если ты решишь ей заняться, это может здорово повредить твоей репутации! И не забывай об армии юристов «Пугачеффа»: стоит тебе сделать шаг вперед, и они набросятся на тебя, словно гиены... О нет, ради бога не делай такое лицо!

– Какое?

– *Такое* – когда у тебя загораются глаза от предвкушения. Черт, зря я упомянул армию юристов!

* * *

– Расскажите мне еще раз, как все вышло, – попросила Регина.

Устинья сидела напротив и выглядела спокойной для человека, впервые оказавшегося за решеткой. Странно – для столь юного возраста и рода деятельности, она ведь типичный «белый воротничок»! Это невольно вызывало уважение. Устинья не ожидала появления Регины, тем не менее не стала выяснять, что заставило адвокатессу прийти – еще одно очко в ее пользу.

– Что именно вы хотите знать? – деловито поинтересовалась девушка.

– Все. Как вы поступили на работу, какие отношения у вас сложились с коллегами и руководством – словом, абсолютно все факты, которые могут повернуться против вас. Или за.

– Что ж, попробую... Я пришла в «Пугачевф» пять лет назад, сразу после колледжа. Я изучала делопроизводство, стенографию, бухгалтерские компьютерные программы...

– Бухгалтерские? – перебила Регина. – Это что же за колледж готовит специалистов столь широкого профиля?

– Ну, бухгалтерию я изучала самостоятельно, на курсах. Компьютерный курс в колледже также был недостаточно глубоким – пришлось добирать частным образом.

А она упорная! Такая девушка не станет рушить собственную жизнь из чувства мести. Тем более что изнасилования ведь не было – была попытка, и только.

– Продолжайте, пожалуйста, – попросила Регина. – Должность в «Пугачевфе» – ваше первое место?

– Да. Вернее, не совсем: в колледже я подрабатывала помощником бухгалтера в сети круглосуточных супермаркетов, но это не считается – торговля меня никогда не интересовала, да и масштаб не тот.

– Другое дело – огромный пивной концерн с филиалами по всей России?

– Точно. Я узнала о вакансии секретаря-референта из Интернета и прошла огромный конкурс!

– Референта замдиректора?

– Что вы! Всего лишь одного из старших менеджеров. Однако чуть больше, чем через год я получила повышение.

– То есть вас заметили? – уточнила Регина.

– Верно. Я вела все дела Антона (так звали старшего менеджера), включая домашние. На мне были делопроизводство, звонки, организация встреч, а также стирка его рубашек, химчистка, покупка костюмов и обуви... В общем, у него не было от меня тайн, а я многому научилась.

– Вы с ним спали?

– Что-о?!

– Это может всплыть на суде, если, конечно, до него дойдет, поэтому я хочу знать правду о ваших отношениях с начальником.

– Я не смешиваю работу и секс – обычно это не приводит ни к чему хорошему!

Для молодой девушки Устинья что-то чересчур уж мудра. Регина сомневалась, что ей удалось бы донести эту истину до большинства представительниц ее возраста, какие бы аргументы она ни использовала.

– А потом меня забрала к себе Рафия, – продолжала Устинья.

– Кто?

– Бывшая замдиректора «Пугачеффа» по связям с общественностью, работала там со дня основания концерна. Между прочим, поднялась из самых низов!

– Она стала для вас примером, да? – предположила Регина.

– Удивительная женщина! Жесткая, требовательная, но справедливая и человечная.

– Редкие качества, особенно для руководителя. Надо понимать, вам нравилось на нее работать?

– Не то слово!

– Что с ней произошло, и как Сугривин стал вашим начальником?

– Рафия уволилась.

– Seriously?

– Она сказала, что по семейным обстоятельствам. Но мне кажется, на самом деле генеральному потребовалось пристроить родственника, поэтому Рафию решили «подвинуть».

– То есть Сугривин – порождение nepotизма?

Черт, а вот это как раз то, о чем предупреждал Тимофей! Это дело станет для Кузьмина делом *чести*. То есть ему захочется упрятать виновного за решетку побыстрее и на как можно более долгое время – и неважно, что для этого придется сделать.

– Ясно, – кивнула Регина, не желая рисовать перед потенциальной клиенткой печальную перспективу. – Дальше?

– Я боялась, что Сугривин притащит с собой другого референта – ну, знаете, «новая метла» и все такое... Он и вправду уволил нескольких сотрудников, поставив на их места *своих* людей, но меня оставил. Я считала, что это из-за моих профессиональных качеств. Отчасти, наверное, так оно и было, ведь я знакома со всеми в головном офисе и со многими – в филиалах. Я знала, куда звонить и писать в экстренных случаях, кроме того, за время работы успела обрасти связями не только в «Пугачеффе», но и за его пределами – секретари и личные помощники поставщиков, партнеров и даже конкурентов... Я была ему весьма полезна.

– Как долго вы проработали под его руководством?

– Полгода. Честно говоря, я надеялась, что Рафия найдет руководящую должность и перетянет меня к себе – на самом деле мы так и договаривались.

– То есть она обещала вам место, как только подыщет соответствующий пост для себя?

– Ну да, – вздохнула Устинья. – Только, видимо, руководителей везде пруд пруди, и не так-то легко устроиться!

– Это верно, – усмехнулась Регина. Уж ей ли не знать – она пять лет отпахала в небольшой юридической фирмочке с начальником, который только и делал, что собирал дань с подчиненных. Они сами искали себе дела, не вылезая из судов, а он задницы от стула не отрывал. Они, молодые юристы, едва сводили концы с концами, а он купил себе квартиру в Болгарии и домик в Черногории только за то короткое время, что Регина на него ишачила. – Так как вышло, что Сугривин на вас покусился?

– Он вообще любитель погулять. В то время, когда уволилась Рафия, он как раз женился в третий раз, но это ему нисколько не мешало. Девицы к нему косяками шастали – я только и успевала сообщать по селектору!

– Он, что, так привлекал женский пол?

– Ага – в основном ресторанами и дорогими тачками. Он их коллекционировал.

– Женщин?

– Да нет, автомобили. У Сугривина их штук восемь было, включая «Майбах» – его он на крайняк держал, для моделей крутых.

– «Майбах»? Это ж как минимум пять-шесть лямов – если подержанный!

– Вы просто не представляете, какие бабки зашибают в концерне! Пиво – ходовой товар, большая часть населения его потребляет. Два года назад на международном фестивале пива наш продукт... то есть продукт «Пугачеффа» был признан номером один в России. Кроме того,

концерн выпускает не только пиво – есть еще квас и газированные напитки. Так что, думаю, Сугривина можно назвать состоятельным человеком.

– Ладно, продолжайте.

– Ну, я сказала, что мой начальник любил женский пол, но уважение к нашему брату, вернее, сестре, не питал, считая, что любая женщина только и мечтает о том, чтобы оказаться в его постели.

– Ничего себе самомнение!

Устинья только головой покачала. Регина с удивлением наблюдала за девушкой. Сейчас определенно решается ее судьба, но она собранна и здраво рассуждает, хотя большинство народа в ее положении определенно вели бы себя иначе.

– Думаю, Сугривину не давала покоя мысль о том, что я – единственная женщина в его ближайшем окружении, которую не интересуют его «приемчики». Я хотела чего-то добиться в жизни, построить карьеру... А он хотел только получить свое.

– Итак, он начал приставать...

– И я его ударила. И убежала из кабинета. На следующий день я написала заявление на имя генерального директора о переводе на другую должность – я знала, что одна из секретарш в финансовом отделе ушла в декрет, и они ищут замену. Это было понижение, но я... я просто не могла вернуться к нему, смотреть на него... Да меня тошнило, черт подери!

Лицо девушки исказилось от отвращения. Регина отлично ее понимала. Она видела Сугривина только по телевизору, когда репортер рассказывал об убийстве, но этого было достаточно, чтобы понять: человек, считавший себя плейбоем, на самом деле вовсе таковым не являлся. Но в то же время Регина понимала, что многие женщины не согласились бы с ее оценкой и предпочли материальные выгоды эстетическому наслаждению.

– И как повело себя начальство? – задала она вопрос.

– Перевели, на следующий же день. А через неделю уволили.

– С формулировкой?

– За халатность, повлекшую за собой срыв сделки вследствие опоздания с перечислением платежа.

– Вы напортачили?

– Нет.

– А что произошло?

– Отдел должен был подготовить бумаги на перевод денег, но я занималась только черновым вариантом, после чего передала документы начальнику финансового отдела на проверку и визирование.

– Значит, это – его ошибка?

– Мне кажется, ошибки не было: просто меня требовалось убрать. На третий день после того, как меня перевели, я столкнулась в лифте с Сугривиним. Слава богу, мы были не одни, но, когда он посмотрел на меня, на его лице появилась такая гаденькая ухмылочка... Думаю, вся эта ситуация с платежом была подстроена с целью выдавить меня из концерна, ведь они отлично знали, что я не уйду сама. Кроме того, видимо, Сугривин хотел ударить побольнее, чтобы не пришлось выплачивать отступные – он вполне на это способен!

– Вы ненавидели его?

– Разумеется! Но я его не убивала. Хотя, признаться, с удовольствием пожала бы руку тому, кто это сделал.

– Последнюю фразу я не слышала.

– Какую такую фразу? – невинно подняла брови Устинья.

Умная, целеустремленная и жесткая девица – такая вполне способна на убийство. Или на то, чтобы стать президентом страны.

– Вы рассказали следователю о попытке изнасилования? – спросила Регина после короткой паузы.

– Конечно.

– Зря – сами же вырыли себе яму!

– Но мне ведь нужно было как-то объяснить причину своего перевода в финансовый отдел! Думаете, он использует это против меня?

– Уж можете не сомневаться!

Ловя на себе испытующий, напряженный взгляд, Регина вздохнула:

– Ну, спросите меня, давайте!

– О чем?

– Да хорош притворяться, что не понимаете!

– Ну, тогда спрошу. Вы беретесь за мое дело?

– Да.

– А можно еще вопрос?

– Валяйте.

– Почему вы отказались в первый раз, а теперь согласны?

– Я же сказала, что не занимаюсь делами об изнасилованиях. Тем более – о попытках изнасилования... Но теперь это – дело об убийстве.

* * *

Регина не знала следователя по делу Устиньи – неудивительно, так как на вид ему, наверное, было лет двадцать семь. Плохо – молодежь обычно пытается произвести впечатление, а потому договариваться с ними сложно! С другой стороны, опыта у паренька маловато, а потому можно надеяться разбить его в суде в пух и прах; скорее всего, дело он отправит прокурору «сырым». Правда, самого прокурора в этом случае тоже не стоит сбрасывать со счетов!

Следователя звали Борисом Рассоховым, и появление адвоката Гнедич в маленьком, обшарпанном кабинете, несомненно, его потрясло.

– Я видел вас по телику! – выпалил он прежде, чем сообразил принять деловито-скупящийся вид, который, по его мнению, свойственен настоящим *профессионалам сыска*.

– Возможно, – мило улыбнулась Регина. Она никогда не пыталась строить из себя бой-бабу, полагая, что сначала следует прощупать противника, обнаружив его слабые стороны, и только потом бить наверняка. Закидывая ногу на ногу, она краем глаза ловила восхищенный взгляд с трудом подбирающего слюни парня. Ее тонкие колготки не скрывали натурально-смуглого оттенка кожи, а вишневые лаковые туфли на десятисантиметровых каблуках подчеркивали стройность икр. Регина, как и все женщины небольшого роста, ощущала себя неудобно в обуви на плоской подошве – у нее был комплекс неполноценности, хотя она ни за что бы не призналась в этом даже самой себе, предпочитая думать, что просто *любит* шпильки. Для встречи со следователем она надела белый твидовый костюм – роскошная вещь, купленная в Милане ее подругой Илоной Шек. Илона являлась редактором модного журнала и знала толк в классных шмотках. Не перестаралась ли она?

– Не думал, что увижу вас... вблизи, – продолжал между тем следователь, вспоминая, что не является участником реалити-шоу, а занимает важную должность. – Чему обязан вашим визитом?

Регина едва сдержала улыбку – столь старомодный оборот в устах молодого мужчины звучал забавно.

– Устинье Попковой, – серьезно ответила она. – Вы задержали ее по подозрению...

– В убийстве Егора Сугривина, верно, – поторопился закончить Рассохов. – Неужели вы намерены ее защищать?

– А что здесь удивительного?

– Ну, вы же с богачами тусуетесь... В смысле, кто такая эта Попкова? – Внезапно лицо его осветилось, словно парню пришла в голову умная мысль. – А, так вас «Пугачефф» нанял?

– С какой стати? У руководства концерна нет ни малейших причин нанимать адвоката для защиты интересов уволенной сотрудницы. Вы же знаете, что ее уволили, Борис Ефимович?

– Естественно. Но... простите, мне просто кажется, что у Попковой не хватит денег даже на оплату одного вашего часа в суде!

– Адвокаты время от времени ведут дела pro bono, – пожала она плечами.

– У вас в этом деле какой-то специфический интерес?

Верно, черт тебя подери, со злостью подумала Регина, чувствуя, что утро перестает быть томным. Она и сама еще не до конца разобралась, зачем согласилась защищать Устинью. По сути, Регина не должна чувствовать вины, ведь она не раз отказывала потенциальным клиентам и тут же забывала о них. Пора «включать законника», решила она и жестко произнесла:

– Насколько я понимаю, господин следователь, *меня* допрашивать у вас причин нет, верно? Предлагаю сосредоточиться на моей подопечной.

Регина тут же пожалела о своих словах: лицо молодого следователя немилосердно покраснело, выдавая смущение и гнев – она только что указала ему на его место.

– Можно и на ней, – сказал Рассохов. – Ваша клиентка – убийца и у меня полно доказательств.

– Поделитесь?

– Извольте.

Снова этот странный оборот – где парнишка их нахватался?

– Убийство произошло на подземной двухуровневой парковке здания, где располагается концерн «Пугачефф».

– Орудие убийства?

– Железный лом.

Оригинально!

– Сугривина несколько раз ударили по голове и в лицо железякой, обнаруженной рядом с телом. Но причиной смерти стал не этот удар, а множество последующих, по разным частям тела.

– Кто-то был по-настоящему зол, видимо?

– Не «кто-то», а ваша клиентка, Регина Савельевна!

– Что заставляет вас так думать? Имеются записи с камер наблюдения на парковке?

– К сожалению, место, где все случилось, камерами не охватывается, а та, которая могла заснять убийцу, идущего к месту преступления или от него, оказалась сломана. Начальник службы безопасности «Пугачеффа» говорит, что они со дня на день ожидали работников компании, которая обслуживает концерн, для рутинной проверки и надеялись тогда отремонтировать и эту камеру, и другие, которые тоже барахлят.

– Как не вовремя произошло убийство, да?

– Убийца, должно быть, отлично ориентировался на местности и мог знать о неисправных камерах – еще один факт в пользу виновности Попковой.

– *Еще* один? Да это пока единственное, о чем вы упомянули, не говоря уже о том, что «Пугачефф» – огромное предприятие, где работают тысячи людей, хорошо знающих «местность», как вы выразились.

– Ее уволили, помните? За халатность.

– Спорный вопрос.

– То, что ее уволили?

– Нет, то, что она допустила халатность. У моей клиентки есть собственная версия на этот счет.

– У нее будет возможность изложить ее на суде. Попкову уволили, и она... ну, она решила отомстить Сугривину.

– Но ведь уволил ее вовсе не он. А-а, вы не в курсе, верно?

– Какое это имеет значение?

– Смотрите: Устинья перешла в финансовый отдел и проработала там около недели. Ее уволили за якобы ошибку, повлекшую за собой срыв важной сделки, но сделал это не Сугривин, а начальник отдела. Где, спрашивается, логика – почему она сорвала злость на бывшем начальнике, а не на том, кто действительно ее вышвырнул? Неужели ее увольнение и то, что она хорошо знакома с парковкой – все, что у вас есть? Да прокурор вас в ключья порвет за такую «доказательную базу»!

– А вот и нет, – криво усмехнулся Рассохов, и Регине показалось, что в его лице, таком еще молодым, проглянул волчий оскал. – Прокурор города *лично* знаком с Ильей Кузьминым. Понимаете, что это значит?

– С генеральным директором «Пугачеффа» и дядей Сугривина? – уточнила Регина.

– О, вы знаете, о ком речь!

– Вас удивляет, что я готовлюсь, прежде чем идти в суд?

Регина понимала, что лезет в бутылку, но ничего не могла с собой поделаться: редко кто вот так не нравился ей с первого взгляда. Мальчишка жонглирует именем прокурора Санкт-Петербурга, словно тот является *его* личным другом, а не приятелем Кузьмина!

– Прокурор заинтересован в том, чтобы дело поскорее попало в суд, – буркнул Рассохов.

– Кроме личной заинтересованности прокурора, что еще вы имеете предъявить в качестве улик?

– Орудие убийства.

– Конечно же, с отпечатками Попковой?

– Разумеется, она стерла отпечатки или была в перчатках.

– Боюсь вас разочаровать, Борис Ефимович, но в этом случае...

– Я не закончил. Во-первых, Попкова – высокая, сильная, спортивная женщина, которая вполне в состоянии убить человека, нанеся удары тяжелым железным предметом.

– Она принесла лом с собой?

– Там, где погиб Сугривин, в кучу свален всякий мусор – лопаты, домкраты, какие-то железяки... Думаю, она просто воспользовалась одной из них.

– У вас история не вяжется, Борис Ефимович! С одной стороны, вы утверждаете, что моя клиентка спланировала преступление, горя жаждой мщения. С другой – она не принесла орудие убийства с собой: надеялась подобрать подходящий предмет по дороге, и ей *повезло*, что в закутке, не охваченном обзором камеры, оказалась свалка металлолома?

Следователь вновь начал опасно заливаться краской.

– Мы только начали! – помимо воли, начал оправдываться он. – Уверен, со временем...

– Вам придется выпустить мою клиентку, так как у вас нет улик против нее, одни лишь домыслы! – перебила Регина, поднимаясь.

– У меня есть право держать ее семьдесят два часа, и Попкова не выйдет ни часом раньше! – упрямо вздернув голову, рявкнул следователь.

О, у шеночка прорезался командный «гав»?

– Посмотрим, – почти ласково улыбнулась Регина, поднимаясь.

* * *

– Так, народ, у нас много дел! – заявила Регина, порывисто входя и двигаясь по проходу к своему кабинету. – Через час у меня слушание о выпуске клиентки под залог, и мне нужно резюме по делу, которое можно использовать. Кто возьмется?

«Народ» состоял из четырех студентов пятого и шестого годов обучения юрфака университета, сисадмина, помощника юриста Алены Собакиной и секретаря Валентины. Штат довольно раздутый, но Регина платила ребятам мало – в основном путем выдачи премий за хорошо выполненную работу. Она называла это бартером: они набирались опыта под ее чутким руководством, а Регина получала почти бесплатную рабсилу. А что такого – все так делают! Только секретарши и сисадмин сидели на постоянной зарплате. Скоро и Алена, при значительной финансовой и моральной поддержке Регины, станет членом коллегии адвокатов, и тогда придется тоже платить ей ежемесячно.

– Я хочу! – раздался ее голос. Регина и не сомневалась, кто отзовется первым, и с готовностью вручила девушке листок с заметками. Алена усердна и скрупулезна, и Регина полностью ей доверяла. Ну, не как самой себе, конечно, но где-то в той же амплитуде.

– Отлично! – сказала она. – Все – в мой кабинет!

Регина не раз поздравляла себя с тем, что ей удалось отхватить помещение во флигеле дома номер сорок шесть по Невскому проспекту. Настоящая удача – несмотря на бешеную арендную плату, многие желали бы заполучить этот лакомый кусочек. Архитектором здания являлся не кто иной, как Бенуа, строивший здание для Московского купеческого банка. Помимо офиса Регины, ныне здесь располагались городская стоматологическая поликлиника, книжный магазин и таки филиал банка – правда, уже другого. Большим плюсом являлось то, что во флигель имелся отдельный вход. К счастью, Регина могла позволить себе подобную роскошь – в конце концов, живем только раз, а известному адвокату необходимо поддерживать имидж, ведь от этого напрямую зависят гонорары!

Ее собственный кабинет выходил окнами на Невский проспект. Регина оформила помещение в бежево-коричневых тонах, и оно имело изысканный и одновременно деловой вид. Когда сотрудники расселись на диване и в креслах, Регина присела на краешек стола.

– План мероприятий на ближайшие сутки следующий, – сказала она, окидывая всех орлиным взором и прикидывая, кому что поручить. – Кто-то должен отправиться на подземную парковку, где произошло убийство Сугривина, и все там облазить. Мне потребуются фотографии места преступления и записи с камер наблюдения.

– Но вы же говорили, что они не... – начал Иван Сушкин, один из ее «студентов».

– Не охватывают тот угол, верно, – не позволила ему закончить Регина. – Я прекрасно помню, что говорила, но мы не должны ничего оставлять на волю случая. Судя по всему, полиция уже нашла «виновного», то есть – нашу клиентку, поэтому они не станут слишком стараться. А мы должны, ясно? Просмотрите не только те, что внутри, но и снаружи, и в самом здании, и напротив... Что там, кстати, у нас напротив?

– Торговый центр, – подала голос Алена. – Там тоже должны быть камеры! Но местность там пустынная, промзона все-таки, поэтому между торговым центром и зданием, где расположен головной офис «Пугачеффа», довольно приличное расстояние. Кроме того, полиция наверняка изъяла записи – почему бы просто не...

– В задачу следователя не входит поиск доказательств в пользу нашей клиентки, – не позволила девушке закончить Регина. – Наоборот, его интересует лишь то, что подтверждает ее виновность!

– Я могу съездить, – снова вмешался Иван.

– Договорились, – кивнула Регина. – Мамочка выдаст тебе немного денег. Вероятно, потребуется кое-кого «подмазать»... Едем дальше: требуется изучить ближайшее окружение покойного – родственников, друзей, коллег. Известно, что он трижды женат, а в большинстве случаев – что?

– В большинстве случаев убийцами являются члены семьи! – с готовностью выпалила Инна Онацкая. Талантливая девочка с фотографической памятью – Регина уже решила,

что не расстанется с ней и после окончания универа. – Если вы не против, я возьму на себя родственников и друзей, только мне потребуется помощь, потому что...

– Мамочка поможет, – перебила Регина. – И можешь взять еще одного человека.

– Хорошо, возьму Артурчика.

– Так... А где у нас Захар?

– Он на съемках, ты забыла?

Это сказала Мамочка – единственная из сотрудников Регины, в силу возраста и опыта имевшая право обращаться к ней по имени и на «ты».

Черт, действительно забыла!

– А вы чем займетесь? – поинтересовалась Алена, как всегда, любопытная.

– Коллегами. Ни один из этих снобов не станет с вами разговаривать. Я хотела поручить это Захару, но ввиду невозможности это сделать... Короче, я поговорю с сотрудниками «Пугачеффа» и вытащу нашу девочку под залог. Думаю, дело обойдется парой сотней тысяч.

– Преступление-то особо тяжкое, – заметила Алена. – Может и в пол-ляма влететь!

Вы так уверены, что она невиновна, или есть что-то еще, ради чего вы рискуете деньгами?

– И то, и другое.

– В смысле?

– Ну, я почти уверена, что Устинья говорит правду – либо она прямо-таки великолепная актриса, а это трудно заподозрить в столь юном создании. Кроме того, если ее оправдают, я смогу забабхать иск к «Пугачеффу» за незаконное увольнение... Да, мне нужен еще человек, чтобы пообщаться с соседями Устиньи.

– Зачем? – спросил Иван.

– У нее нет алиби на момент преступления. Устинья снимает квартиру и живет одна. Она говорит, что вечер и ночь того дня провела дома, мучаясь от депрессии.

– Ну, свидетелей ее депрессии мы вряд ли отыщем! – хохотнул Артур Адабашьян.

– Верно, – согласилась Регина, – но кто-то мог видеть, как она входила или выходила, когда вернулась, и так далее.

– Убийство же произошло между одиннадцатью и полуночью, так? – снова подала голос Алена, задумчиво жуя нижнюю губу. Ее круглое, полное личико с россыпью веснушек на курносом носу при этом выражало глубочайшую сосредоточенность.

Регина кивнула.

– А что, интересно, Сугривин делал в такое время в подземном гараже? Ну, допустим, он задержался на работе, но что-то уж больно поздно, не находите?

– Ты права, – сказала Регина. – Я поговорю об этом с его коллегами – может, кто-то из них тоже подзадержался или, по крайней мере, знал о причинах того, что заставило Сугривина просидеть там так долго. А теперь – вон из моего кабинета – мне нужно подготовиться к слушанию!

Все вышли, кроме Мамочки. Она встала, прикрыла дверь и вернулась на диван.

Регина подняла на пожилую женщину вопросительный взгляд.

– Проблемы?

– По-моему, у тебя, – сказала та.

– То есть?

– Почему ты уцепилась за это дело? Оно не типично для тебя, да и барышей больших не сулит. Работа «рго вопо» – не твой конек уже лет десять как!

Пожалуй, Регина позабыла о проницательности коллеги – если даже у Алены возникли вопросы, чего уж говорить о Мамочке!

– Поговорим? – спросила между тем женщина. – Дело ведь не в деньгах по гражданскому иску, так?

– Ничего-то от тебя не скроется!

- Знаешь, когда человеку за шестьдесят...
- Ладно-ладно, не дави на жалость – ты еще всем нам фору дашь!
- Так почему? – посерьезнев, снова спросила Мамочка.
- Просто мне кажется, это правильно. Этот гад пытался изнасиловать Устинью, помнишь? А потом ее уволили – за то, что она защищалась!
- Этого мы не знаем, – рассудительно заметила Мамочка. – Это *она* так говорит.
- Я ей верю. Она сильная и умная, знает, чего хочет...
- То есть она похожа на тебя?
- Не в этом дело! Когда она пришла ко мне в тот, первый раз, то сказала, что мечтает наказать руководство «Пугачеффа» за отношение к работающим там женщинам.
- Боже, как пафосно!
- Ничего не пафосно – давно пора этим заняться. В Америке или в Европе, вон, тетки умеют за себя постоять. Они *заставили* себя уважать, а мы тут, в России, все боимся кого-то пошевелить, растревожить осиное гнездо, все извиняемся за то, что мы женщины. Это неправильно! Я хочу порвать эту «теплую» компанию в клочья, доказав, что им придется заплатить не только за вынужденное увольнение Устиньи, но и за то, что мужики считают, что могут вытирать о нас ноги. Устинья, перед тем как прийти ко мне, нарыла кое-какую информацию насчет женщин, пострадавших от посягательств Сугривина. Ни одна из них больше не работает в «Пугачеффе», и это может значить одно из двух: либо их уволили так же, как и ее...
- Либо они, от греха подальше, уволились сами, предпочитая личное спокойствие карьере и зарплате, – закончила за нее Мамочка. – Хочешь, чтобы я поискала информацию об исках или заявлениях, если таковые подавались?
- Хорошая мысль, хотя вряд ли что-то найдется, раз Сугривина так и не привлекли. Похоже, дельце предстоит грязное!
- Я на твоей стороне, помнишь? – ласково потрепала ее по плечу Мамочка. – Только убедись в том, что ты действуешь как адвокат, а не как член группы поддержки «униженных и оскорбленных», идет? Кстати, как ты собираешься заставить «Пугачефф» платить? Ты в курсе, какие компенсации по гражданским искам назначают в России?
- А кто сказал, что я намерена доводить до суда?
- Так ты хочешь заключить мировое соглашение с концерном? – Лицо Мамочки прояснилось.
- Под угрозой разоблачения их шовинистической политики, думаю, они сочтут за благо раскошелиться и выложат столько, сколько мы запросим. А пока, – добавила Регина, – давай-ка просто вытащим Устинью!

* * *

Как и предполагала Регина, слушание много времени не заняло. Устинья Попкова не имела приводов, а потому вряд ли могла считаться социально опасной личностью. С судьей Регина была хорошо знакома, а потому ее поручительства и суммы в двести пятьдесят тысяч рублей оказалось достаточно для освобождения под залог.

– Где вы взяли такие деньги?! – спросила девушка, в ужасе от названной суммы. – У меня столько не наберется!

– Не переживайте, – успокоила ее Регина. – Во-первых, внести нужно всего десять процентов... А во-вторых, ты невиновна, поэтому я ничем не рискую.

– Значит, вы мне поверили?

Они сидели в кафе с видом на Казанский собор. Мимо проносились машины, разбрызгивая по сторонам растаявший снег. На дворе конец марта, но неожиданно Питер накрыл снегопад, какого не случалось за всю минувшую зиму. Тем не менее дневная температура была

уже весенней, а потому вместо сугробов, которые лежали за городом и в северных районах города, в центре снег превратился в грязную жижу, смешанную с машинным маслом и пылью. Устинья уплетала киш с лососем, Регина цедила уже третью чашку кофе.

– Поверила, – подтвердила она, задумчиво глядя в окно. – Думаю, у вас не было причин убивать Сугривина... Кстати, вы связывались с адвокатом, которого я рекомендовала?

– Да, – кивнула девушка, глотая большой кусок киша. Она ела с аппетитом, присущим молодым, и Регина наблюдала за ней даже с некоторой завистью, так как сама давно разучилась испытывать удовольствие от простой пищи. – Он сказал то же, что и вы: раз изнасилования не было...

– Ясно. Плохо, что у вас отсутствует алиби! Уволил вас начальник финансового отдела, а не покойный – значит, чисто формально, у вас не было причин его убивать – если, конечно, мстили вы не за увольнение, а за попытку изнасилования. Кто-нибудь видел, как вы выходили из кабинета Сугривина в тот день?

– Не знаю, было уже поздно...

– Ваш вид в тот момент вряд ли оставлял сомнения в том, что происходило за закрытыми дверями!

– Сугривин порвал мне блузку... Но ведь это значит, что он действительно напал на меня, разве нет? А я защищалась!

– Это если найдутся свидетели, иначе у нас есть только ваше слово. Обвинение строится на трех пунктах. Первый: вы утверждаете, что ваш бывший начальник пытался вас изнасиловать.

– *Утверждаю?*

– Второй пункт: вас уволили. Формально этот факт не связан с первым пунктом, поэтому его еще нужно доказать. Подозреваю, что руководство станет всячески отрицать любую возможность того, что происшедшее – правда. Но вот что действительно не требует доказательств, так это ваше увольнение и то, что вы считаете покойного Сугривина виновником ваших несчастий.

– Но ведь так оно и есть! – возмущенно воскликнула Устинья.

– Пока мы ничего не можем ни подтвердить, ни опровергнуть, я лишь обрисовываю ситуацию, чтобы вы поняли: работа предстоит большая.

– Вы говорили о трех пунктах. Полагаю, третий – это отсутствие алиби на время убийства?

– Верно. Это – самое слабое звено следствия, так как на орудии убийства ваших отпечатков нет.

– В тот день было холодно, и убийца наверняка надел перчатки.

– Тоже правильно. Судя по тому, что лом лежал прямо там, в гараже, преступление носило непреднамеренный характер. Однако Сугривин был крупным мужчиной, и удары потребовали бы от его противника недюжинной силы. Вы занимаетесь спортом?

– Занималась.

– Каким?

– Волейболом.

– И как долго?

– Лет пять.

А по ней и не скажешь – худая, как щепка!

– Как я понимаю, об этом распространяться не стоит? – спросила Устинья.

– Точно. Правда, если дело все-таки дойдет до суда, прокурор вполне может это выяснить... А может, и нет. Так что, пока помалкивайте о своих «олимпийских» рекордах, ладно? Кстати, у вас нет предположений, что Сугривин мог делать в гараже между одиннадцатью и двенадцатью часами вечера – не поздновато ли он задержался?

– Вообще-то да, – задумчиво пробормотала девушка, потирая заостренный подбородок. Регине вдруг подумалось, что она вся как будто состоит из острых углов: высокие скулы, длинный, тонкий нос, большой рот с тонкими губами, серые глаза, слегка вытянутые к вискам, что придавало лицу странно монголоидный тип, хотя, совершенно очевидно, что ни китайской, ни какой-либо другой крови «желтых» наций в ней нет. Пальцы Ульяны были длинными, тонкими, с сильно выступающими костяшками и розовыми ногтями. Эти ногти имели бы красивую форму, не обладай она дурацкой привычкой немилосердно их обкусывать.

– Если честно, – добавила она, – Сугривина нельзя было назвать трудоголиком – он, напротив, старался проводить в офисе как можно меньше времени! Но он порой задерживался, чтобы принять любовницу. Жене говорил, что будет работать, а сам...

– Ясно, попробуем выяснить.

– А что делать мне?

– В смысле?

– Я понимаю, что не разбираюсь в законах, но я – рабочая единица, у которой нет никакого занятия. Мои ноги, руки и голова в вашем распоряжении!

* * *

Устинья пять лет проработала в современном здании из стекла и бетона с видом на оживленную трассу и пустырь. Она часто забывала о том, что Петербург – старинный город, с красивыми домами и улицами, глядя на которые легко окунуться в прошлое. Таким было и здание, в котором располагался офис Регины. Сотрудники Регины показались Устинье странными. Во-первых, почти все они очень молоды – за исключением, разве что пожилой дамы в пончо (невероятный наряд для служащей, ведь в «Пугачевфе» существовал строгий дресс-код!). Она была небольшого роста, полноватой, с круглым, приятным лицом и курносым носом, на котором неловко сидели очки. Они плохо держались на переносице, то и дело соскальзывая, и она поправляла их мизинцем. По прикидкам Устиньи, ей хорошо за полтинник, но она, похоже, отлично ощущала себя в юном коллективе. Кто все эти пацаны и девчонки? Девушке казалось, что такой известный адвокат, как Регина, должна иметь соответствующий штат – важных мужчин в пиджаках и галстуках и женщин в деловых костюмах. Может, они сейчас в суде, а эти ребята – на подхвате?

– Эй, здесь никто без дела не сидит! – услышала она и обернулась: рядом стояла та самая пожилая дама. – Вам нечем заняться?

– Регина Савельевна не дала мне никакого задания, хотя я и просила, – обиженно отозвалась Устинья.

– Тогда помогите мне, идет? В компьютерах разбираетесь?

– Немного.

– Есть одна база. Надо в ней покопаться, а у меня рук на все не хватает.

– Я могу!

– Кстати, меня зовут Ольга Шаевна, – добавила незнакомка, указывая Устинье на стол, на котором стоял открытый ноутбук.

Устинья сразу поняла, что «база», за которую ее усадила Ольга Шаевна, принадлежит Министерству внутренних дел (один бог знает, как она ее заполучила!).

– Вы ведь референтом работали у Сугривина, верно? – уточнила пожилая дама.

Девушка кивнула.

– Ну, тогда у вас получится. Поищите, не подавались ли какие заявления на вашего покойного босса.

– Заявления?

– Об изнасилованиях. Вы же сами сказали, что были не единственной жертвой этого поганца, так?

– Да, но разве его не привлекли бы к ответственности, если бы кто-то обратился в полицию?

– Скорее всего, вы ничего и не найдете, но отрицательный результат – все же результат. А потом нужно будет лично встретиться с девушками в вашем списке... Он ведь еще у вас? Я очень удивилась, когда Регина рассказала о том, что вы сами пытались наводить справки!

– Список у меня, – подтвердила Устинья. – Я привыкла жить по принципу ПСС.

– Помоги Себе Сам? – усмехнулась Ольга Шаевна. – Что ж, правильный принцип. Но не забывайте, что иногда стоит доверять и другим людям, они не всегда желают вам зла!

С этими словами она повернулась и бодро зашагала в сторону выхода. Некоторое время Устинья провела, колдуя над базой. Если верить ей, Сугривину не выписывали даже штрафов за нарушения ПДД или неправильную парковку – что само по себе странно, учитывая количество его авто! Интересно, как к Ольге Шаевне попали такие данные? Наверняка это незаконно!

– Так это из-за тебя такой переполох? – услышала Устинья и обернулась. В проходе, засунув руку в карман отлично выглаженных брюк, стоял симпатичный чернявый парень примерно ее возраста. Темная щетина, покрывающая нежную кожу на щеках, никого не могла обмануть: он явно старается выглядеть старше, но это плохо получается. Может, он даже моложе ее! Но внимание Устиньи привлекло не столько это, сколько предмет, зажатый в его правой руке – небольшой пистолет, который парень небрежно крутил на пальце.

– Не боишься кого-нибудь подстрелить? – спросила она, подозрительно косясь на оружие.

– Этим-то? – ухмыльнулся он и нажал на спусковой крючок. Вместо громкого «бабах» из дула бесшумно выстрелил язычок ярко-желтого пламени. Ну конечно, зажигалка – она видела такие в кино. Да, паренек *явно* моложе – невозможно оставаться таким идиотом, когда тебе перевалило за двадцать!

– Ты не ответила на вопрос.

– В смысле?

– Ну, это же ты подозреваемая по убийству «пивного барона», верно? И все здесь сейчас заняты твоим делом. А ты?

– Ольга Шаевна попросила помочь с базой МВД, – пояснила Устинья. – Наверное, ей самой тяжело управляться с компьютером.

– *Мамочке-то?* – хохотнул парень. – Тяжело?! Да ты хоть знаешь, кто она такая?

– И кто же? – нахмурилась девушка.

– Мамочка до выхода на пенсию работала в РКК «Энергия»!

Видя, что Устинье это ни о чем не говорит, он добавил:

– Это бывшее КБ Королева.

– Того *самого*?

– Который занимался проектированием космических кораблей, да. Они создали пилотируемые корабли «Союз», грузовые аппараты «Прогресс М», а сейчас обеспечивают функционирование МКС. Мамочка лично являлась одним из разработчиков системы спутниковой связи «Ямал», так что компы для нее – как для тебя простейшая мобила!

– Тогда почему?..

– Почему она посадила тебя здесь? Да чтобы ты под ногами не болталась! Регина... то есть Регина Савельевна сказала, что надо придумать тебе занятие.

– Значит, то, что я делаю, бесполезно? – Устинья почувствовала, что начинает злиться. Она-то считала, что помогает, участвуя в общем деле, а на самом деле от нее отмахнулись как от назойливой мухи. Можно было еще предложить перебрать чечевичные зерна или посадить розовые кусты, как в сказке про Золушку!

– Ничего не бесполезно!

Знакомый голос заставил Устинью отвернуться от паренька. В офис вошла Регина. Вместе с ней в помещение ворвался аромат дорогого парфюма – тонкий, но отчетливый. Устинья видела адвокатессу всего несколько раз в жизни, и каждый раз она одевалась по-новому. Интересно, насколько велик ее гардероб? Вкуса Регине точно не занимать, ее костюмы отличаются изысканностью – и как только она умудряется выглядеть по-деловому и одновременно так сексапильно? В ее повадках сквозит грация, присущая животным, такая маленькая пантера, на вид нежная и ручная, но непредсказуемая и опасная, если кому-то вздумается с ней поиграть или, не приведи господь, подразнить. Скорее всего, это у Регины в крови – негроидная раса, пусть и разбавленная, обладает раскованностью и красотой движений, какой нет ни у одного другого народа в мире. С ее появлением все вокруг пришло в движение: люди оторвались от своих дел и устремились в центр помещения, поближе к его «двигателю» в лице Регины Гнедич.

– Нашли что-нибудь на Сугривина? – поинтересовалась адвокатесса.

Устинья покачала головой.

– Что ж, этого следовало ожидать: если бы кто-то из пострадавших подавал заявления в полицию, мы бы обязательно что-то узнали – СМИ не дремлют, да и следы, хочешь не хочешь, все равно остаются... Тогда копнем с другого угла. Народ, все в кабинет!

Увидев, с какой готовностью молодежь ручейком потекла к двери, за которой скрылась их босс, Устинья подивилась эффекту, который эта маленькая женщина производит одним своим присутствием. Она закрыла ноутбук и двинулась вслед за остальными. Войдя в уютный маленький кабинет, девушка огляделась в поисках свободного места и заметила, что симпатичный парень, который рассказывал об Ольге Шаевне, машет ей рукой, указывая на диван рядом с собой. Она не стала ломаться и приняла предложение.

Присев на краешек стола, Регина взяла в руки какой-то листок и, пробежав его глазами, посмотрела на подчиненных.

– Так, Ваня и Алена, как у нас дела с камерами наблюдения?

– Как и говорил следователь, – ответила Алена, прежде чем Иван успел открыть рот, – на камерах с парковки ничего нет. Та, что рядом с местом убийства, не работает, а та, что на въезде, разбита.

– Как давно? – поинтересовалась Регина.

– Сторож говорит, около четырех суток. Он сообщал о проблемах начальнику службы безопасности, но тот вроде бы не звонил в обслуживающую компанию, так как на днях ее работники все равно приезжают на плановый осмотр. Есть и другие системы, нуждающиеся в устранении неполадок, поэтому решено было заняться всем сразу.

– А куда поступают изображения с камер со стоянки?

– На главный диспетчерский пульт в отделе службы безопасности. Туда нас, разумеется, не пустили...

– Неважно, – перебила Регина. – Примерно то же самое говорит и следователь: если бы он что-то обнаружил, то был бы обязан сообщить и мне, как адвокату подозреваемой. А помимо камер наблюдения? Я имею в виду сторожа.

– Да, – кивнула Алена, – сторож сидит в будке. Проблема в том, что полгода назад стоянку решили расширить. Там до сих пор ведутся строительные работы – похоже, и лом, лежавший в закутке, где грохнули Сугривина, оставлен рабочими... Так вот, будка сторожа стоит на главном въезде, но есть еще и другая возможность попасть внутрь гаража – его незаконченная часть. Там есть хилые такие воротца... даже не воротца, а металлическая сетка, но ее легко отодвинуть, и туда не то что человек или автомобиль – целый танк может проехать!

– И камеры там, конечно, нет? – уточнила Регина.

– Еще не поставили – какой смысл, ведь...

– Ясно, ясно. Кстати, скажите-ка мне, сыщики, в здании концерна есть помещения, которые к нему не относятся?

– Полно! – сказал Иван. – «Пугачефф» сдает не только площади в головном здании, но даже маленькие здания, мастерские и складские помещения, расположенные на его территории. В главном здании есть офисы мелких ремонтно-строительных фирм и даже одной мебельной фабрики.

– То есть, – подытожила Регина задумчиво, – у нас имеется целая куча народа, неподведомственного концерну! Это очень, очень плохо: любой мог убить Сугривина, но об этих людях мы не узнаем ни в отделе кадров «Пугачеффа», ни у коллег покойного.

– С чего бы кому-то из «чужаков» убивать Сугривина? – спросил Артур. – Они вряд ли пересекались!

– Ты удивишься, Артурчик, в каком маленьком мире мы живем! – возразила Мамочка, поддерживая Регину. – И почти все в этом мире, рано или поздно, пересекаются – порой, даже не подозревая об этом.

– А у всех этих фирм-съемщиков собственные службы безопасности? – поинтересовалась Регина.

– Мы это не выясняли, – сконфуженно ответила Алена после паузы, переглянувшись с Иваном.

– Вряд ли, – снова заговорила Мамочка. – Сомнительно, чтобы они нанимали собственный персонал – скорее всего, полагаются на «Пугачефф», ведь здания и территория принадлежат концерну!

– Да уж, придется поработать, – пробормотала Регина, потирая подбородок. – На стоянку могли попасть не только служащие концерна, но и любой, кто работает в каждом из офисов и зданий на территории...

– Не считая тех, кто приезжает общественным транспортом и следует до места пешкодралом! – вставила Алена.

– Все равно: надо проверить машины, въезжавшие и выезжавшие из гаража до и после убийства. Оно произошло поздно вечером, поэтому тех, кто выезжал, не может быть много... А кто сообщил об убийстве, сторож?

– Нет, – покачал головой Иван. – Рабочие. Они пришли утром.

– Ясенько. Надо с ними пообщаться – вдруг они что-то заметили?

– Ну, это будет проблематично, – хмыкнул молодой человек.

– Почему?

– Они все приезжие и по-русски, по словам сторожа, едва-едва могут объясниться. Кроме того, они так испугались полиции, что, вполне вероятно, «Пугачеффу» придется искать новых рабочих!

– И все же это – зацепка, – возразила Регина. – Попробуйте, чем черт не шутит? А ты, – обратилась она к Мамочке, – займись номерами авто: возможно, наш убийца приехал на собственной тачке и тогда вообще далеко ходить не придется. В конце концов, мы установили, что убийство Сугривина вряд ли носило преднамеренный характер – значит, искомая личность ничего не планировала заранее и вполне могла не подумать о путях к отступлению! Алена, а как со снимками с места преступления?

– Там уже все разворошили, ведь полиция закончила работу. Ваня сфоткал ту часть гаража, но ни кучи металлолома, которая, по утверждению сторожа, там находилась, ни даже следов крови Сугривина не осталось. Боюсь, придется воспользоваться только теми снимками, что добыли полицейские.

– Хорошо, с этим тоже ясно, – подытожила Регина. – А как насчет родственников покойного, Инна?

– Сугривин трижды женат. Дети есть от первого и текущего браков, причем от последней жены – близнецы.

– Значит, жену номер два можно исключить, – пробормотала Регина, делая пометку на листке, который продолжала держать в руках. – Она ничего не получает в случае смерти бывшего. А вот две другие вполне могли возжелать наследства и ускорить гибель экс-супруга. Кроме того, он слыл любителем женского пола и вполне мог разбазарить денежки, а то и жениться еще раз пять-шесть, увеличив количество потенциальных наследников!

– А у Сугривина, между прочим, была любовница, – вмешался Артурчик.

– Откуда сведения? – поинтересовалась Ольга Шаевна.

– От второй жены. Она, по ходу, уже снова замужем.

– А откуда ей известны такие подробности – они, что, продолжали общаться с Сугривиным? Странно, если принять во внимание отсутствие общих детей!

– Дело в том, что со всеми своими женами, кроме первой, Сугривин заключал брачный контракт. По нему они не могли претендовать ни на что, кроме того, что прописано в документе. Разумеется, дети туда не входили – в этом случае вступают в силу законы Российской Федерации. Мария Сугривина, впрочем, удачно вышла замуж сразу после развода. Ее муж – состоятельный человек, и, может, потому-то они с бывшим и не прервали связь. Так вот, по ее словам, экс-супруг хвастался, что завел молодую девчонку.

– А кто она такая, удалось выяснить? – спросила Регина.

– Кажется, модель.

– Надо ее разыскать. Вряд ли молодая любовница могла иметь имущественные претензии к Сугривину... Если только она не беременна! В любом случае поболтать с ней не мешает. Существуют всего две возможности: либо смерть Сугривина связана с работой в концерне, либо – с личной жизнью.

– Кроме Марии, ни одна жена не выразила печали по поводу его гибели, – заметил Артур. – Даже нынешняя, а ведь они не так давно женаты!

– Похоже, мужик он был дрянь, – пробормотал себе под нос Иван.

– А может, она в курсе существования любовницы? – предположила Алена.

– И это – мотив, – подытожила Ольга Шаевна. – Если наличие любовницы – правда, то третьей супружнице этот факт вряд ли доставил бы удовольствие! Что там он нажил, находясь в третьем браке?

– Несколько объектов заграничной недвижимости и квартиру на Крестовском острове, – быстро отрапортовала Алена.

– Нехило! – ухнул Артур.

– Как у нас с алиби Устиньи? – поинтересовалась Регина.

– Да никак, – вздохнула Ольга Шаевна. – Я отправила Лешу... Пусть он сам расскажет, ладно?

Все посмотрели в сторону Алексея Нахабцева, самого младшего члена команды. Он был студентом-второкурсником, но внешне походил на восьмиклассника: маленький, юркий, с ярко-рыжими волосами и бесцветными ресницами, парень плохо вписывался в интерьер офиса.

– Я опросил соседей с этажа, – начал паренек, метнув быстрый взгляд в сторону Устиньи. – Двое подтвердили, что видели, как она вернулась где-то около восьми вечера, но никто из них не знает, выходила ли снова.

– Я не выходила, – сказала Устинья.

– Чем вы занимались весь вечер? – спросила Регина. – Может, телевизор смотрели?

– Если вы об алиби – типа, я смотрела футбол и знаю счет, – то при наличии Интернета это вряд ли прокатит! А вообще у меня и телевизора-то нет.

– Как это – нет телевизора?! – изумился Артур. – Что – совсем?

– Да нет, на три четверти! – фыркнула девушка. – Конечно, совсем!

– А что же ты делаешь... делала, когда с работы приходила?

– Я читать люблю. Не пробовал?

– Ладно, детки, цыц! – сочла нужным прервать перепалку Ольга Шаевна. – Ни телик, ни книжки не могут, к сожалению, подтвердить алиби Устиньи. Это плохо, но не критично: в конце концов, если бы она действительно убила Сугривина, наверняка постаралась бы подготовиться, так?

– Нет, не так, – возразила Регина. – Напоминаю всем еще раз: тот, кто убил Сугривина, не готовился специально – об этом говорит и выбор оружия, и сам способ преступления. Такое впечатление, что он просто схватил первое, что подвернулось под руку. Вспомните, убитый был здоровенным, грузным мужиком!

– Ты хочешь сказать, что убийца защищался?

– Вполне вероятно. Или он не собирался убивать, но при виде Сугривина вышел из себя и... Или Сугривин сказал или сделал что-то такое, чем вызвал гнев убийцы. Короче, пока мы нисколько не продвинулись в расследовании. Это ничего, – добавила Регина, видя, что команда приуныла. – Мы же только начали!

– Эх, Захара бы сюда! – пробормотал Иван. – С ним бы дело быстрее пошло...

– Согласна, но его нет. Так что своими силами будем обходиться!

– Да, у вас-то как, Регина Савельевна? – вдруг задала вопрос Алена. – Вы говорили с кем-то из коллег Сугривина?

– Говорила. Меня больше всех интересовал генеральный директор «Пугачеффа» Кузьмин, но с ним встретиться не удалось: говорят, он в командировке.

– То есть он не в курсе, что его родственник убит? – уточнила Ольга Шаевна.

– В курсе. Он уехал уже после того, как тело Сугривина обнаружили.

– Как интересно!

– *Деловой* человек, – процедил Иван. – Ничто, даже смерть близких, не может заставить его забыть о контрактах!

– Действительно, странное поведение, – усмехнулась Регина. – Кузьмин поставил на ноги всех, кого мог, напряг прокурора города, а сам «слился». Но мы должны иметь дело с тем, что есть, а не с тем, с чем хочется. Зато я поболтала с дежурным охранником на этаже, который видел, как вы, Устинья, покидали кабинет начальника в день, когда он на вас набросился.

– И что?

– Охранник говорит, что ничего криминального не заметил.

– Я очень быстро проскочила к лифтовой площадке, потому что не хотела, чтобы кто-то догадался...

– Парень сказал, что вы действительно пронеслись мимо, с «большими глазами», как он выразился, и рванули к служебному лифту.

Устинья сглотнула комок в горле. Она не знала, что к этому добавить.

– Ничего удивительного, – продолжала Регина. – Естественно, что девушка, которую едва не изнасиловали, пытается скрыть следы происшедшего и не станет их всем показывать. Сугривин, само собой, тоже ни за что не признал бы этот факт. Видимо, получив по яйцам, он предпочел отсидеться в кабинете, а не жаловаться охраннику!

– А хорошие новости *вообще* есть? – спросил Артур.

– Одна есть. Мне удалось встретиться с человеком, который работал еще при старом заме генерального.

– С кем же? – немного воспрянула Устинья.

– С Игорем Колесниковым, помните такого?

– Конечно! Он один из немногих, кому удалось остаться после пертурбаций с назначением Сугривина.

– Так вот, он о вас очень хорошо отзывается – говорит, когда вы работали с Галиевой, та на вас нахвалиться не могла.

– И как это нам поможет? – спросила Алена.

– Пока не знаю. В любом случае нам пригодится хорошая характеристика от человека, который знает Устинью с самой лучшей стороны. Это не снимает с нее подозрения в убийстве, но кое-что объясняет в отношении ее увольнения из финансового отдела. Надо узнать, как им удалось повернуть фортель с «ошибкой» Устиньи, и тогда, возможно, мы докажем, что уволили ее незаконно.

– А как мы могли бы это узнать?

– Нужно познакомиться поближе с кем-нибудь из финансового отдела «Пугачеффа». Может, там найдется девушка, которая что-то знает? – предположила Регина и посмотрела на Артура. Тот заерзал на диване, потому что все взгляды теперь были обращены к нему.

– А чего сразу я? – забормотал он.

– Ты же у нас *самый* красивый, – спокойно пояснила Инна. – На тебя вся надежда!

– Вы, что, предлагаете мне...

– Да бог с тобой, Артурчик, как ты мог такое подумать! – перебила Регина, делая строгое лицо. – Я просто хочу, чтобы ты попробовал познакомиться с кем-нибудь из финансового отдела концерна, и, возможно, этот человек сумел бы нам помочь. От тебя не потребуются ничего, противоречащего твоим моральным принципам.

Алена не сдержалась и громко фыркнула, но Регина сделала вид, что ничего не заметила.

Артур слыл дамским угодником, и вряд ли у кого-то могла возникнуть мысль о наличии у него высоких моральных устоев, которые он боится поколебать.

– И что мне делать? – спросил он, разводя руками. – Не могу же я просто прийти в отдел и пригласить на свидание понравившуюся мне девушку!

– Это мы обсудим позже, ладно? – предложила Регина, поняв, что в целом парень задачу уяснил. – Мамочка, что ты нарыла о «Пугачеффе»? – обратилась она к Ольге Шаевне.

– Только то, что в последнее время концерн переживает не лучшие времена.

– Неужели? – удивился Иван. – Что, народ выбирает трезвость и перестает пить пиво?

– Во-первых, сейчас кризис, дорогой, – улыбнулась Мамочка. – Но это не главное. У «Пугачеффа» трения с его главным конкурентом.

– И кто же этот конкурент? – спросила Регина.

– «Живая вода». Оказывается, они – вторые по объемам выпускаемой продукции и уже много лет соперничают с «Пугачеффым» за первое место!

– Знаю я эту «Живую воду», – вставила Инна. – У них квас лучше, чем «пугачеффский»!

– Ты бы лучше этикетку внимательно читала, – буркнула Устинья.

– А что такое?

– Ты видела, из чего они этот квас делают? А срок годности – представляешь, что они туда заливают, чтобы он полгода хранился?!

– Они же выгнали тебя, а ты их защищаешь? – возмутилась Инна.

– Не защищаю, а правду говорю! – возразила Устинья, упрямо поджав губы. – Рафия всегда билась за то, чтобы стандарты производства не снижались. Действительно, из-за финансовых трудностей руководство предпринимало попытки удешевить процесс, рассматривало китайское сырье, не особо качественное, но Рафия отстаивала старые, проверенные, хотя и более дорогие технологии...

– Погодите, – перебила Регина, – Рафия же не имела отношения к производству, верно? Она занималась связями с общественностью.

– Они начинали вместе с Кузьминым, – пояснила девушка. – Рафия знала весь процесс производства и многим занималась сама, но с тех пор, как концерн расширился, было решено, что ему необходим человек, который взял бы под контроль именно это направление. На самом

деле Рафия следила за тем, чтобы конкуренты не переходили Кузьмину дорогу. В ее обязанности входило немедленно сообщать ему о любых телодвижениях противника. Что же касается продукта концерна, то оно всегда отличало нас... то есть «Пугачеффа», от той же «Живой воды», и как раз благодаря этому «Пугачефф» держался на первом месте! А когда Рафия ушла... Я, конечно, не знаю наверняка, так как Сугривин не вел со мной доверительных бесед в отличие от бывшей начальницы, но, по слухам, которые ходили в концерне, он-то как раз считал, что пора менять внутреннюю политику в сторону снижения расходов.

Регина незаметно переглянулась с Мамочкой. Очевидно, эта девочка, несмотря на то, что занимала всего лишь должность секретаря-референта, много знала и, похоже, разбиралась в делах «Пугачеффа» не хуже начальства!

– А что, – вдруг сказал Иван, – не могла ли «Живая вода» приложить руку к убийству? Если они конкуренты...

– Эта версия тоже имеет право на существование, – поспешила согласиться Регина. – Но, боюсь, именно ее нам будет труднее всего разрабатывать – слишком уж с серьезными шишками придется иметь дело. Так что, Ваня, я от души надеюсь, что твое предположение неверно!

После вкратце обсудили план дальнейших действий, и Регина всех отпустила. Устинья замешкалась в дверях и заметила, как адвокатесса знаком задержала Алексея. Тот притормозил и подошел к ее столу. Девушка понимала, что подслушивать нехорошо, но ей стало интересно, что Регина хочет от самого младшего в команде – неужели намеревается дать ему «тайное» поручение?

– Вот, возьми, – сказала адвокат, протягивая пареньку пухлую синюю папку.

– Что это, Регина Савельевна? – с любопытством спросит тот.

– Ты же говорил, что тебе нужно собрать материал для курсовой, так?

Леша озадаченно кивнул.

– Ты выполнял *мое* поручение и поэтому не сумел сделать задание преподавателя. Учеба – самое важное в твоей жизни сейчас, поэтому я решила тебе немного помочь. Здесь все, что может тебе понадобиться для написания работы. Придется потрудиться, но, по крайней мере, не нужно тратить время на сидение в библиотеке и в Интернете!

– Вы... спасибо! – пробормотал парень, принимая папку из холеной руки с алыми, как кровь, ногтями. – Не знаю, что и сказать!

– «Спасибо» вполне достаточно, – улыбнулась Регина. – А теперь топай домой и принимайся за дело, мне тут двоечники ни к чему!

Устинья отпрянула от двери еще до того, как Алексей к ней повернулся, и скользнула вдоль стены к лестнице, ведущей в большой офис. Она осталась незамеченной.

* * *

Устинья вставила ключ в замок, но он не повернулся – заело.

– Господи, только не это! – простонала она. На часах половина одиннадцатого и слесаря из ЖЭКа в такое время не дозовешься! Она так устала от беготни по городу, что мечтала лишь о горячем душе и теплой постели. Поэтому она снова и снова пыталась всунуть ключ то под одним, то под другим углом в надежде на то, что замку, рано или поздно, надоест сопротивляться, и он сдастся на милость хозяйке.

Дверь распахнулась так неожиданно, что Устинья едва не потеряла передние зубы – хорошо, успела вовремя отскочить! На пороге стояла хозяйка, и ее лицо не предвещало ничего хорошего.

– Анна Валентиновна? – удивилась девушка. – Что случилось?

Действительно, что она тут делает? Две недели назад она получила ренту, а за коммуналку Устинья заплатила в понедельник.

– *Что* случилось? – переспросила хозяйка. – Думаешь, я стану терпеть в собственной квартире убийцу?

– Откуда вы знаете про убийство?!

– Я, как и все русские люди, телевизор смотрю. Да и соседи, слава богу, сообщили, что полиция приходила, а потом еще люди какие-то по подъезду шастали, расспрашивали о том, есть ли у тебя алиби... Господи – в *моем* доме! И как я только гнильцы в тебе не разглядела? Вроде незаметная такая, скромница, понимаешь! Правильно говорят: «В тихом омуте черти водятся!» Я замки поменяла, так что, дорогуша, забудь сюда дорогу!

– Но куда же пойду на ночь глядя? Кроме того, я же оплатила проживание и...

– Это, милая моя, моральный ущерб – за то, что ты так долго морочила мне голову! Если вздумаешь жаловаться, я скажу, что впервые тебя вижу – соседи подтвердят, ведь им тоже неприятности с полицией не нужны. Но мне почему-то кажется, – добавила она, растягивая губы в неприятной, резиновой улыбке, которая обнажила желтые, прокуренные зубы, – что тебе они тоже ни к чему, я права? Ах да, вот твои шмотки, забирай – слава богу, их всего-то ничего!

Чемодан грузно плюхнулся у ног.

Девушка вылетела из парадной, как ужаленная. Лицо ее пылало, несмотря на прохладную погоду. Устинья снимала квартиру у этой крысы три года, ни разу не опоздала с арендой, всегда вовремя оплачивала квитанции за свет и телефон – за что она *так* с ней?! Если бы Устинья умела плакать, она, несомненно, разрыдалась бы сейчас, но ее отучили от этой пагубной привычки много лет назад. Поэтому девушка дошла до детской площадки перед домом, села на скамеечку и призадумалась о своем будущем. Пока что «будущее» распространялось только на сегодняшнюю ночь. Площадка располагалась в середине кондоминиума, который составляли пять домов. В окнах горел свет: люди расслаблялись в гостиных и спальнях, а она вынуждена торчать тут, бесприютная, как бездомная собака! В жизни Устиньи было множество трудностей, неприятностей и по-настоящему серьезных несчастий, но ни разу еще ей не приходилось ночевать на улице. Если бы на дворе стояло лето, она могла бы лечь прямо здесь, на скамейке... О том, чтобы ночевать на вокзале, как бомжи, не могло быть и речи – тем более что, как она слышала, в последнее время ночных «постояльцев» здорово гоняет полиция. А уж с полицией-то ей, Устинье, сейчас связываться ни за что нельзя!

Мысль осенила ее внезапно, и девушка тут же схватилась за телефон из страха, что может передумать и отказаться от своей затеи – уж слишком большой наглостью она ей представлялась.

– Регина Савельевна? Это Устинья. У меня проблемка нарисовалась...

* * *

Регина разрешила пожить в офисе, пока Устинья не подыщет себе жилье, но с условием, что утром об этом никто не догадается. В крошечной каморке в конце коридора отсутствовали окна, зато присутствовал необходимый для комфортной ночевки диван. Интересно, для чего эта комната используется в обычное время? Или Регина специально держит ее запертой – на всякий «пожарный случай», если вдруг кто-то из знакомых окажется в ситуации, когда негде голову преклонить? Что ж, как бы то ни было, это – полезная привычка, и как раз сейчас она весьма пригодилась Устинье!

Она взяла свою электронную книгу, включила ночник и уже намеревалась забраться под одеяло, как вдруг услышала странный шум в коридоре. Устинья на мгновение застыла с протянутой рукой, прислушиваясь – вроде бы ничего... Однако спокойствие улетучилось, и подозрение, что она в офисе не одна, усиливалось с каждой проходящей секундой. Устинья поняла, что не сможет лечь, пока не убедится наверняка. Она оглянулась в поисках

чего-нибудь, могущего сойти за оборонительное оружие. Не обнаружив ничего подходящего, она схватила металлический совок для мусора и, сжимая его ручку до боли в костяшках пальцев, открыла дверь. В коридоре было темно, и Устинья побоялась поворачивать выключатель, чтобы не привлечь внимания взломщиков – если шум ей, конечно, не почудился. Она медленно прокралась вдоль стены и, заглянув за угол, увидела свет наверху, в кабинете Регины. Неужели адвокатесса решила вернуться на ночь глядя?

Однако тень, мелькнувшая за полупрозрачной плексигласовой дверью, не могла принадлежать женщине. Вряд ли любой другой член команды имел доступ сюда в неурочное время, значит, кто-то действительно вломился в офис, думая, что в этот час там никого не окажется, и даже не побоялся устроить иллюминацию, не опасаясь привлечь внимание с улицы! Надо звонить в поли... черт, нет: нельзя связываться с людьми в форме, а то еще, чего доброго, «упакует» в ИВС до выяснения обстоятельств, ведь сама она тоже находится здесь на птичьих правах, да еще и под подпиской ходит, как под дамокловым мечом! Так что же делать? Телефон остался в сумочке и за ним нужно возвращаться назад. В кабинете Регины наверняка полно ценных бумаг, да и сейф тоже там – нет, надо во что бы то ни стало задержать вора! Покрепче сжав в руке совок, Устинья, замирая от страха и возбуждения, двинулась к лестнице. Теперь она явственно слышала звук работающего факса. Интересные дела: вор решил отправить парочку документов заодно с ограблением? Ну, это уже ни в какие ворота!

И тут ей в голову пришла блестящая мысль. Ну надо же, как здорово устроен человеческий мозг – в критические моменты он способен вспоминать о таких вещах, которые кажутся неважными! Где же стол этого чувака, Артурчика... ага, кажется, вот он! Устинья трясущейся рукой выдвинула ящик, куда, насколько она запомнила, парень бросил зажигалку-пистолет, когда Регина пригласила всех в свой офис. Китайцы наловчились стряпать игрушки, которые и не отличишь от настоящих – по крайней мере, это лучше, чем совок для мусора... Если, конечно, взломщик не вооружен.

Сделав глубокий вдох, девушка распахнула дверь и крикнула:

– А ну-ка, отойди от факса, засранец, и руки в гору!

Устинья сотни раз слышала, как эту фразу произносят в кино, но в ее устах она прозвучала странно неуместно, словно кошка вдруг залаяла.

Мужчина резко разогнулся и обернулся на голос. Чуть выше нее, поджарый и стройный, в черной косухе и того же цвета бандане, из-под которой выбивались длинные, до плеч, русые волосы, незнакомец представлял поистине живописное и пугающее зрелище. Его лицо с широкими скулами, заросшее светло-русой щетиной, с крупным носом и тонкими губами, походило на морду бультерьера. Особенно усиливали сходство глаза – глубоко посаженные, небольшие, смотрящие настороженно и словно бы оценивая, подгадывая момент для нападения. Они были удивительного цвета, такого ярко-голубого, какого Устинья в жизни не видела у живых людей, но предполагать, что такой мужик носит *цветные* линзы, глупо! Левая бровь у него была рассечена в двух местах – травма, очевидно, старая, но этот штрих лишь добавлял темных красок в палитру Устиньи. Сощурившись так, что и без того узкие глаза превратились в едва различимые щелочки, он медленно выполнил требование и сделал шаг в сторону, подняв руки ладонями вперед. Он не выглядел напуганным или встревоженным – возможно, лишь слегка удивленным.

– Это еще что за фокусы? – проговорил незнакомец, едва разжимая губы. Голос у него оказался под стать внешности – хриплый, низкий, но нельзя сказать, чтобы неприятный.

– Руки не опускай! – предупредила Устинья. – Имей в виду, я полицию вызвала!

– О, *полицию*, – пробормотал взломщик. – Это серьезно!

– Еще как серьезно!

– А без полиции – никак?

Ей вдруг показалось, что мужик откровенно развлекается. Лицо выглядело непроницаемым, однако в его глазах она прочла какое-то странное веселье. Маньяк? Маньяк, который ворвался в чужой офис и спокойненько шлепал факсы, как у себя дома?

– Никак! – заявила Устинья, поднимая пистолет так, чтобы его дуло смотрело прямо в лоб незнакомцу.

– Ты, это, поосторожней, ладно? – сказал он, кивая на игрушечный ствол. – Вдруг пальнет?

– И пальнет! – раздухарилась Устинья, почувствовав, что в данный момент инициатива на ее стороне. – Только двинься...

– Слушай, у меня предложение, – перебил мужик, и по его тону девушка поняла, что ее «преимущество» вовсе не кажется ему неоспоримым. – Позвони-ка Регине, а то у меня руки затекают?

– Ты знаешь Регину? – подозрительно спросила Устинья, и пистолет в ее руке дрогнул. Дальнейшее заняло не более доли секунды – она даже не заметила, как взломщик оказался рядом и одним сильным ударом выбил «оружие» из ее руки. Следующим движением он прижал девушку к стенке: она ощутила, как сильные пальцы впечатываются в кожу на шее, перекрывая доступ кислорода. Устинья решила, что пришел ее последний миг, однако нападавший внезапно ослабил хватку. Лишившись поддержки, она медленно сползла по стене, хватая ртом воздух. Как же это прекрасно, когда кислород беспрепятственно проникает в легкие!

– На будущее, – сказал мужик вполне дружелюбно, – не болтай, а делай, ясно?

Он поднял «пистолет» и повертел его в руках.

– Так я и думал – фуфло. Но неплохо выполнено, надо признать! Так кто ты такая, говоришь?

– Я... не говорила... – прохрипела Устинья, ощупывая горло. Он определенно не нанес ей серьезных увечий, но ощущение все равно было не из приятных. И следы наверняка останутся!

– Ну, и что ты тут делаешь?

– Живу.

– О как! А Регина в курсе?

– Разумеется, в курсе!

– Тогда звони ей.

– Ч-что?

– Если ты знаешь Регину, значит, знаешь и ее телефон?

– Д-домашнего... н-не знаю...

– А я тебе продиктую. Давай поднимайся!

Примерно через четверть часа адвокатесса вошла в кабинет, и все это время Устинья и незнакомец в бандане сидели друг напротив друга в ожидании ее появления.

– Ну, Захар, ты даешь! – были первые слова Регины.

– Я даю? – переспросил тот, к кому она обращалась. – Твоя «постоялица» мне ствол в морду ткнула, между прочим – откуда мне было знать, что он не настоящий!

– А ты не видел, что она в *пижаме*? Мог бы и догадаться!

– Это пижама у тебя? – озадаченно обратился он к Устинье, сидевшей на диване. – А по мне так вполне себе... Ты раньше никогда не позволяла никому тут оставаться, что мне было думать?

– Надо было *думать*, чтобы позвонить и предупредить о своем приходе! – уперев руки в бока, сердито проговорила Регина. – А не набрасываться на моих гостей с кулаками!

– Гостию домой приглашают, а не в рабочем кабинете перекаптоваться...

– Значит, мне даже не положено знать, что ты вернулся, да? Так тяжело снять трубку и сказать хотя бы, что ты жив-здоров? – все больше распалялась Регина. Устинья только головой крутила, пытаясь не потерять нить беседы.

– А ты и сама могла бы позвонить, кстати, и выяснить, жив я там, или как! Слушай, мы, конечно, можем продолжить ругаться *при детях*, но будет лучше, если...

– Я пойду! – вскочила Устинья, понимая, что ее присутствие неуместно. Ей до смерти хотелось остаться и увидеть, чем дело кончится, но вежливость требовала покинуть место происшествия. Как выяснилось, ни Регине, ни ее кабинету ничто не грозило, а этот Захар... Странный мужик, странная ситуация – но, по крайней мере, никто не пострадал. Если не считать гордости самой Устиньи, разумеется.

* * *

Устинья поставила будильник на восемь, чтобы успеть принять душ и прибрать следы своего присутствия. Потом требовалось выйти на улицу и вернуться, как будто бы она ехала из дома. Из комнаты девушка выходила с опаской, боясь обнаружить в коридоре или в офисе Захара, а то и еще кого-то – похоже, это место пользуется популярностью среди самых разных людей! Что может связывать такого, как Захар, с Региной – они непохожи так, как только могут отличаться друг от друга два человека! К счастью, там не оказалось ни души, и Устинья, вздохнув с облегчением, отправилась в душ. Возвратившись в каморку, она затолкала чемодан под диван. Затем, одевшись и прихватив сумочку, покинула офис.

Когда через сорок минут девушка вновь оказалась в конторе Регины, то не воспользовалась дубликатом ключа, выданного хозяйкой, а позвонила в звонок. Раздался громкий «бип», после чего дверь открылась. Устинья поздоровалась с секретаршей, которая холодно кивнула в ответ на приветствие, и, выйдя в большой офис со столами, едва не столкнулась с Захаром. Девушка замерла, боясь, что он каким-то образом раскроет ее секрет, и все вокруг узнают, что она стала бездомной, но мужчина бросил на нее равнодушный взгляд и прошел мимо, словно она была предметом мебели. Устинья отметила, что сегодня он выглядит иначе, чем вчера, и одет в на удивление хорошо сидящий на нем костюм. На удивление – потому, что девушке казалось, вчерашний прикид подходил Захару как нельзя лучше. Бандана тоже пропала. Устинья понимала, почему Регина не желает, чтобы о ее ночевках здесь прознал персонал – это могло стать прецедентом, а значит, войти в привычку, и офис превратился бы в одну большую ночлежку. Но и сама Устинья вовсе не желала огласки – ей было стыдно. Мало того что она буквально навязала Регине и остальным собственное дело, так еще и проблемы свои на них вваливает... А у нее, что ни говори, есть принципы, один из которых гласит: справляйся с трудностями сама! Но что делать, если не получается? Каждому человеку время от времени требуется посторонняя помощь, но Устинья ненавидела просить. Там, где она выросла, это было не принято – проси не проси, все равно ничего не получишь. Она усвоила урок раз и навсегда.

Оглядевшись, девушка сообразила, что, похоже, помимо секретарши и Регины с Захаром, в офисе никого. Интересно, куда все подевались – опаздывают? Если так, то дисциплина в команде определенно хромает на обе ноги.

– Устинья, зайдите ко мне! – крикнула Регина, приоткрывая дверь кабинета.

В костюме-тройке цвета слоновой кости, с гладко зачесанными назад волосами, собранными в пучок на затылке, она смотрелась чертовски эффектно. Впрочем, как всегда. Захар тоже находился там – сидел на краешке стола, постукивая по колену пачкой каких-то документов. Избегая на него смотреть, Устинья устремила вопросительный взгляд на адвокатессу.

– Не волнуйтесь, – улыбнулась та, – мы просто хотим, ммм... провести небольшой следственный эксперимент.

– Ударь меня, – сказал Захар, соскальзывая на пол.

– Ч-что? – не поняла девушка.

– Не стесняйтесь, – подбодрила Регина. – Бейте изо всех сил!

Устинья с опаской взглянула на мужчину. Он стоял в расслабленной позе и, казалось, открыт для удара. Тем не менее что-то ее останавливало – наверное, вчерашний случай, когда он поднял ее за шкурку, словно щенка, едва не придушив.

– Вот, – сказала Регина, подсовывая Устинье свернутую в рулон пачку бумаги. – Давайте!

Поколебавшись с минуту, она переложила рулон в другую руку и замахнулась на Захара. Странно, но девушка вдруг испытала приступ необъяснимой злости. Возможно, это было желание отомстить, отыграться за вчерашнее? Несомненно, бумага, даже сложенная в рулон, не могла нанести «противнику» серьезного урона, поэтому она даже не пыталась остановить свою руку в полете. Захар перехватил ее запястье в полусантиметре от своего лица.

– Я же говорил, что она вполне могла это сделать! – сказал он Регине, наблюдавшей за ними.

– Ну да, она левша, – кивнула та. – И замах – ничего такой...

– Перестаньте разговаривать так, будто меня здесь нет! – воскликнула Устинья.

– И если бы я ее не остановил, – словно не слыша ее слов, добавил Захар, – то валялся бы уже на полу – она, похоже, сильная девица. Сколько ты вешишь?

Наконец-то он соизволил обратиться к ней!

– Пятьдесят один... нет, пятьдесят два килограмма, – ответила Устинья, все еще злясь.

– Во мне семьдесят восемь четыреста, – пробормотал он себе под нос.

– Какая точность!

– Этого требует его профессия, – пояснила Регина. – Сугривин весил килограммов девяносто.

– Но ты прибавь еще вес железного лома и стрессовую ситуацию, – отозвался Захар. Они снова говорили, словно находились в кабинете одни. – А еще она легко выходит из себя – вчера угрожала мне зажигалкой, а сегодня чуть башку бумагой не снесла!

– Что вообще происходит? – спросила Устинья, успокаиваясь: в конце концов, криками делу не поможешь, а Захар с Региной вряд ли стали бы развлекаться таким «оригинальным» способом.

– Мы получили предварительный отчет судебно-медицинской экспертизы, – ответила Регина.

– *Получили?* – хмыкнул Захар.

– Зубами вырвали – как обычно. Это, в сущности, значения не имеет, главное, он у нас.

– И что? – взволнованно спросила Устинья.

– Как и любой отчет, в котором нет информации об отпечатках пальцев или генетическом материале, он не слишком полезен. Сугривина убил некто, немного ниже него ростом (примерно как вы), достаточно сильный...

– Тоже примерно как ты, – вставил Захар. – Единственная полезная информация, которую мы почерпнули из отчета, это то, что убийца – левша.

– Но нам это не поможет, потому что вы – также левша, – закончила Регина. – А еще у вас нет алиби, вы обвиняете Сугривина в попытке изнасилования, вас уволили из концерна за халатность...

– За *якобы* халатность, – поспешила поправить адвокатессу Устинья, хотя теперь, когда Регина и Захар перечисляли улики против нее, она не могла не видеть, насколько все плохо.

– А самое неприятное, – продолжала Регина, – что глава концерна напрягает связи для того, чтобы убийца его племянника поскорее отправился за решетку. Для него это – дело чести. Во всяком случае, так утверждают СМИ, которым наверняка сам же Кузьмин и заплатил.

– Нет, – неожиданно возразил Захар, – самое неприятное не это. Самое неприятное то, что следствию, видать, не нужны другие подозреваемые. Ты, – он ткнул пальцем в Устинью, – их вполне устраиваешь в этом качестве, и отчет судмедэксперта и патологоанатома в полной

мере это доказывает. Думаю, со дня на день тебя снова возьмут под стражу, и тогда выщарапать тебя из камеры будет уже невозможно – до самого суда.

Он говорил спокойным, будничным тоном – конечно, не ему же грозит тюрьма!

– Так что, – дрогнувшим голосом пробормотала Устинья, – я должна сидеть и ждать, пока меня снова арестуют?

– Кто сказал? – спросила Регина. – Мы, во всяком случае, ждать не собираемся. Если следователь уже «нашел» убийцу, то наша задача нарыть еще десяток подозреваемых и заставить его поработать! Захар, мне нужна вся подноготная Сугривина – с детского сада... нет, лучше с самого роддома. Нам интересен любой человек, который мог иметь на него зуб. Я хотела поручить это Мамочке, но у нее и так дел хватает, а ты хорош в добывании информации.

– Ну, хоть в чем-то ты признаешь мои заслуги! Хорошо, займись Сугривиним. Но, ты же понимаешь, у меня есть основная работа, так что...

– Разумеется, разумеется. Ну, двигай, что ли?

– А мне что делать? – встряла Устинья.

– А вы, моя дорогая, займетесь собственным списком «пострадавших». Кстати, я так и не спросила, где вы его раздобыли?

– У меня хорошие отношения со многими сотрудниками концерна, ведь мне приходилось общаться, оказывать кое-какие услуги то одному, то другому... Ну вот, с секретаршей отдела кадров я тоже на короткой ноге. Она работает в «Пугачеффе» примерно столько же, сколько и я, и понимает, что мое увольнение носит чисто личный характер. Поэтому она поделилась со мной кое-какими сведениями. Прежде чем получить свое место, Сугривин работал в разных отделениях концерна, и каждый раз на него поступали жалобы от женщин-коллег. Все они либо уволились сами, либо их уволили под надуманными предлогами. Всего таких пятеро, исключая меня.

– Ого! Похоже, Сугривин был весьма *темпераментным* мужчиной! – усмехнулась Регина.

– Да уж! – фыркнула Устинья, вспомнив, как он навалился на нее всей своей тушей, прижав к столу.

– У меня не хватает людей, – сказала адвокатесса. – Ребята в университете, поэтому могут работать только во второй половине суток, да и то не каждый день, а мне нужно в суд...

– Я готова встретиться с девушками, – перебила Устинья. – Мне просто необходимо заняться каким-нибудь полезным делом!

– Вот и чудненько! – просияла Регина. – В случае чего обращайтесь к Мамочке – она кладезь информации и королева гаджетов.

Регина упорхнула, а Устинья, оставшись одна, оглядела офис.

– Чайку не желаете? – услышала она голос Ольги Шаевны и обернулась. Женщина стояла в закутке, служившем кухней-столовой, где располагались кофемашина, электрический чайник и крошечный буфет с посудой и салфетками. Еще там был диванчик на две персоны и стол.

– Лучше кофе, – попросила Устинья, подходя. Ни одно утро не обходилось для нее без двух-трех чашек, но сегодня она торопилась покинуть офис, боясь оказаться застигнутой «на месте преступления», а кафе еще не открывались.

– Кофе так кофе, – улынулась Мамочка и, достав из буфета пачку зерен, стала засыпать их в кофемашину. – А я вот, знаете ли, перестала его пить – здоровье не то.

– Может, вы бы называли меня на «ты», а? – предложила Устинья. – А то как-то неудобно!

– Как хочешь, – согласилась Ольга Шаевна. – Регина дала тебе задание?

– Угу, – кивнула девушка. – Поеду по адресам. Не уверена, правда, что они не изменились...

– Так давай я проверю? – предложила Мамочка. – Чтобы тебе зря не гонять?

– Вы правда это сделаете? – обрадовалась Устинья.

– Разумеется, ведь это в наших общих интересах! Вот, держи, – и женщина протянула ей чашку ароматно пахнущего кофе.

Устинья сделала пару глотков. Кофе оказался отличный, из дорогих. Ее зарплату в «Пугачеффе» большой не назовешь, хотя она знала, что получает процентов на тридцать больше, чем среднестатистический секретарь-референт в городе. Она не могла себе позволить покупать дорогую одежду и посещать элитные рестораны, но в качественном кофе себе не отказывала и покупала только элитные сорта, считая эту роскошь позволительной – ну должен же человек иметь возможность порадовать себя хоть чем-то?

– А можно вас кое о чем спросить? – осторожно заговорила Устинья вновь.

– Конечно, – кивнула Ольга Шаевна. – Что ты хочешь знать?

– Этот Захар, он... кто он вообще такой?

– А почему ты спрашиваешь? – удивилась Мамочка. – Он, что, обидел тебя, нагрубил?

– Да нет, – снова вспомнилась его рука на горле и полет «в космос», когда мужик вздергивал ее на стенку. – Просто он как-то не вписывается в интерьер офиса, что ли?

– Ну да, согласна, – рассмеялась Ольга Шаевна. – Честно говоря, не знаю, что тебе и рассказать о нем: они с Региной знакомы сто лет – встретились задолго до того, как я стала с ней работать.

– В самом деле? Трудно представить обстоятельства, которые могли свести вместе двух настолько разных людей! Он, что, тоже юрист?

– Нет, Захар работает в киноиндустрии.

– Он – актер?! – не поверила Устинья.

– Да нет, не актер. Каскадер и постановщик трюков.

– А-а...

– Но одно время, насколько мне известно, Захар служил в военной полиции. Потом он вышел в отставку и занялся другим делом. Так что, кое-какое отношение к юриспруденции Захар все же имеет.

Ну надо же, военная полиция – теперь понятно, откуда у него замашки карателя!

– Еще вопросы будут? – поинтересовалась Мамочка, ставя чашку на стол. – Или пойдем проверять твоих пострадавших?

* * *

Планируя свои посещения, Устинья не предполагала, что кто-то из девушек может наотрез отказаться с ней встречаться. Как вежливый человек, она решила предварительно позвонить и предупредить о визите (благо Мамочка накопила в базе данных телефоны искомым девиц), однако три из пяти, едва узнав о цели предполагаемой встречи, бросили трубку. Оставалась всего две девушки, и одной из них была Елена Турчинова, которая работала в отделе продаж «Пугачеффа» – там, куда первоначально и пришел Сугривин. Было это три года назад, и она проживала уже по другому адресу (снова спасибо Ольге Шаевне, которая это обнаружила). Наученная горьким опытом, Устинья решила не звонить Елене: если и она откажется встречаться, то доказать факт попытки изнасилования окажется практически невозможным – слова Устиньи против покойника, в убийстве которого ее же и обвиняют! Поэтому она отправилась по адресу без предупреждения, намереваясь дождаться Елену Турчинову около дома. Все равно заняться особо нечем, но хотя бы одно дело сделать необходимо, а то ее сочтут бесполезной! Устинья знала, как выглядит Елена, так как приятельница в отделе кадров показывала ей паспортное фото в личном деле. Не слишком хорошее качество, конечно, но узнать можно.

Усевшись на скамейку около парадной, девушка приготовилась к долгому ожиданию. Время перевалило за полдень, и она проголодалась, поэтому купила хычин в близлежащем

киоске и слопала его с удовольствием, какого давно не испытывала от еды. Да что говорить, она уж и забыла, каково это – есть не дома или в кафе, а на улице, а ведь было время... Но нет, это – не самые приятные воспоминания, и не стоит их ворошить. Сейчас у нее есть задание, и она должна выполнить его во что бы то ни стало! А сидеть, судя по всему, предстояло долго, ведь в это время суток большинство людей на работе, но, к сожалению, выяснить, где работает Елена, не получилось. Ну, ничего, терпения Устинье не занимать, и она обязательно дожидется Турчинову, даже если придется проторчать на этой скамейке до темноты!

Как ни странно, ее опасения не оправдались. Спустя минут сорок Устинья заметила, как из парадной вышла пожилая женщина. Она придержала дверь, и на улицу сначала выкатилась коляска, а потом показалась и та, кто ее катил. Устинья привстала со скамейки – это определенно была Елена Турчинова! Значит, вот почему нет сведений о ее новом месте службы – она в декретном отпуске!

Торопиться не следовало, лучше дождаться, когда Елена пройдет мимо скамейки. Турчинова медленно двигалась по дорожке, катя коляску впереди себя. Когда она поравнялась со скамейкой, Устинья поднялась и обратилась к молодой женщине:

– Елена? Елена Турчинова, верно?

– Что? – удивленно переспросила та. – Мы знакомы?

– Нет, но... – Устинья хорошо отрепетировала, что собирается сказать, так как уже четыре раза говорила это по телефону. Тем не менее ни одна из собеседниц не пожелала продолжить беседу, и это означало, что «ключик» подобран неправильно. Что же делать?

– Кто вы? – подозрительно спросила между тем Елена. – Что вам нужно?

– Меня зовут Устинья Попкова, – быстро заговорила девушка, боясь снова провалиться. – Я работала в «Пугачеффе»...

– Разговор окончен! – оборвала Турчинова, и ее губы сжались в тонкую линию. – Уходите!

– Но мне *очень* нужно...

– А мне плевать, что вам нужно! У меня теперь новая жизнь, муж и ребенок, и я не хочу ничего слышать об этих людях. Кто бы вас ни подослал, я не стану...

– Меня никто не посылал, – перебила Устинья, загораживая дорогу и не давая Елене пройти. – Я с трудом вас нашла, потому что попала в такую же ситуацию, что и вы, и мне нужна ваша помощь!

– Да откуда вам знать о моей ситуации?!

– Потому что моя – еще хуже! Меня не просто уволили, но еще и обвиняют в убийстве Сугривина, и я...

– Сугривин убит? – вдруг спросила Елена, и ее лицо просветлело. – Вы не шутите?

– Какие уж тут шутки!

– Есть все-таки справедливость на свете! Но это не вы его... того?

– Нет.

– Жаль, а то я сказала бы вам спасибо – эту сволочь давно следовало грохнуть... А почему вас обвиняют?

– Потому что он набросился на меня в кабинете и пытался...

– А вы?

– Врезала ему между ног бронзовой статуэткой.

– Да ну? Вот молодчина!

– Поэтому теперь у меня как бы есть причина, понимаете? Правда, никто не может подтвердить, что попытка изнасилования действительно имела место – меня видел только охранник, и он, похоже, ничего не понял... Короче, теперь выходит, что я сама подбросила следователю «мотив»!

– Вас уволили до или после убийства?

– До. Я попросила перевести меня в другой отдел, и руководство вроде бы пошло навстречу. А через несколько дней меня обвинили в том, чего я не делала, и...

– Ладно, – прервала ее речь Елена, – давайте поговорим! Только не здесь – не хочу, чтобы свекровь видела, а то у нее есть дурацкая привычка из окна пялиться да за мной шпионить! Черт, ну почему она живет в одном доме с нами, а? Вот жила бы на другом конце Питера, а лучше – в другом городе... Давайте до парка дойдем?

Устинья на радостях была готова отправиться куда угодно, хоть на Луну. Пока они шли по дорожке бок о бок, Устинья получила возможность как следует рассмотреть свою визави. Фотография в личном деле ни в малейшей степени не отражала привлекательности молодой матери. Елена была настоящей красавицей – тоненькая, с длинными светлыми волосами, личиком-сердечком и серыми глазами в пол-лица. Немудрено, что Сугривин захотел заполучить такую девушку в «личное пользование»! Вот Устинья внешне ей и в подметки не годится, но мужик все равно на нее набросился.

– Я была новенькой в отделе продаж, он – тоже, – неспешно рассказывала Елена, легонько подталкивая коляску вперед. – Наверное, поэтому я поначалу не почувствовала подвоха, когда Сугривин начал оказывать мне знаки внимания. В сущности, мне это даже нравилось: он мужчина представительный, здорово умел зубы заговаривать... Хотя, если уж начистоту, никакой особой эрудицией он на самом деле не обладал – все, о чем он рассказывал, можно почерпнуть на страницах бульварных журналов. Но я тогда была моложе и глупее!

– Значит, он пытался за вами ухаживать? – уточнила Устинья.

– Да, но потом мне сказали, что он женат. Вы можете не верить, но для меня это важно. Я ни за что не стала бы связываться с человеком, состоящим в браке! Видите ли, у меня был печальный опыт. Один мужчина, кавказец, ухлестывал за мной весьма настойчиво. Я ему взаимностью не отвечала, и, полагаю, это меня и спасло.

– От чего?

– Его жена хотела плеснуть мне в лицо кислотой, представляете! Подкараулила у входа в институт, но, к счастью, увидела, как я пытаюсь отвязаться от ее мужа. То, что я не приветствую его ухаживаний, было настолько очевидно, что она передумала. Тем не менее тетка подошла ко мне, когда муж ушел, и сочла нужным сказать, что намеревалась сделать. Думаю, хотела предупредить на будущее, если я вдруг сменю гнев на милость! Так что с тех пор женатика для меня – табу, а в Сугривина я даже влюблена не была, мне просто льстили его знаки внимания. Люди говорили, что он вроде каким-то родственником генеральному приходится, и это, конечно, делало его более интересным... Но только до того момента, как я узнала о наличии законной супруги.

– И что же вы сделали?

– Сказала, что в курсе его брачных отношений. Мне хотелось послать его подальше, но Сугривин же был начальником, а я в концерне без году неделя. В общем, так как у нас дальше флирта не заходило, слава богу, я соврала, что у меня есть парень – надеялась, его это остановит. Однако Сугривин, напротив, удвоил усилия и начал открыто меня домогаться, не обращая внимания на условности. Ему было плевать, что кругом люди, что все слышат его сальности в отношении меня! Он не давал мне ни минуты покоя, словно мстил за то, что я его отвергла. Потом я узнала, что он распускает обо мне слухи.

– Какого рода?

– Как будто я «даю» всем направо и налево, представляете! Он взломал мою страничку в социальных сетях и сделал монтаж фотографий. Я никогда не выкладывала снимков в голом виде, а он выставил меня чуть ли не проституткой!

– Какая же все-таки дрянь... – пробормотала себе под нос Устинья, мысленно благодаря судьбу за то, что у нее с Сугривиним до этого не дошло.

– О, это еще что! Это были цветочки, а ягодки... Мы праздновали Новый год, и начальство устроило корпоратив в гостинице «Невский Палас». Я как чувствовала – не надо туда идти, но раньше таких грандиозных сборищ не посещала и мне было интересно... Идиотка!

Елена умолкла, и некоторое время девушки просто шагали рядом по тропинке. Наконец, Устинья не выдержала и спросила:

– Что случилось на том корпоративе, Лена?

Та ответила не сразу, словно собираясь с духом.

– Все шло так хорошо, знаете ли – музыка живая, подарки от руководства... И Сугривин ко мне даже не приближался – какое облегчение! Я уже начала думать, что он успокоился, но напрасно. Где-то часа через два мне приспичило в туалет. Едва я зашла в кабинку, слышу, кто-то за мной входит. Ну, подумаешь, кому-то еще надо, кабинок-то несколько...

– А это оказался Сугривин? – догадалась Устинья.

Елена кивнула.

– Он запер дверь на задвижку, схватил меня, как тряпичную куклу... Господи, я даже не предполагала, что со мной так легко справиться, думала, сумею отбиться, если что!

Устинья вспомнила себя – сначала под тяжелым, грузным телом того же подонка, потом – в цепких, чертовски сильных руках Захара, поднявшего ее легко, словно она ничего не весила. Хорошо, что Захар не пытался сделать того, чего хотел Сугривин, потому что у него точно бы получилось, хоть он и легче последнего килограммов на двадцать!

А Елена между тем говорила монотонным, ничего не выражающим голосом:

– Он был сильно пьян, но двигался с удивительной быстротой. Одной рукой зажал мне рот, чтобы я не могла заорать, а другой развернул меня, и... как лошадь или корову, сзади, представляете?! Я думала, задохнусь насмерть, было так больно, стыдно... Больше стыдно, конечно, ведь я считала себя свободной, независимой женщиной, которая сама зарабатывает на жизнь! Я надеялась сделать карьеру в компании, ведь она огромная и, казалось бы, предоставляет столько разнообразных перспектив... Все пошло прахом только потому, что я отказала этому борову!

Она вновь замолчала, но на этот раз Устинья не собиралась давать ей передышку, боясь не услышать окончания истории.

– Вы позвали на помощь? – задала она вопрос.

– Он не дал мне такой возможности. Заставил умыться, поправить одежду и только потом выпустил за дверь. Он обо всем *подумал* – как будто не впервые этим занимался! Но я, честно говоря, и сама опасалась, как бы кто чего не заметил... Вы женщина, вы должны меня понять!

– Я понимаю, Лена, – быстро сказала Устинья. – То, что случилось, ужасно! Вы рассказывали кому-нибудь?

– Только подруге. Мы вместе снимали квартиру... я ведь иногородняя, знаете ли. Она сказала, что нужно написать заявление в прокуратуру. Сказала, что Сугривин все равно не позволит мне продолжать работать или снова начнет приставать... Да я сама не могла представить, что приду в офис и увижу там *его*!

– Делу дали ход?

Елена покачала головой.

– Я совершила ошибку, какую совершают большинство женщин в моем положении – долго отмокала под душем. Я знала, что делать этого нельзя, что нужно сразу ехать к врачу и доказывать... но я просто не могла, я *не могла*! В тот момент мне казалось, что самое главное – смыть с себя его запах, его пот... Короче, в прокуратуре заявление приняли, но предупредили, что мне придется приложить усилия, чтобы чего-то добиться. И что, скорее всего, ничего не выйдет.

– Значит, не вышло?

– На следующий день ко мне пришли.

– Кто?

– Начальник службы безопасности «Пугачеффа» с адвокатом. Он сказал, что верит мне и что знает о «слабостях» Сугривина, однако весьма ясно обрисовал ситуацию и ее последствия.

– Последствия?

– Адвокат сказал, что у меня нет доказательств, кроме слов подруги, которая на самом деле не видела того, что произошло, и могла обо всем судить только по моему рассказу. Я выглядела нормально, когда выходила из туалета, а Сугривин вернулся в зал и его видело много народу. Кроме того, адвокат напомнил мне о взломанной страничке в Сети и о фотографиях в непотребном виде, уверяя, что бесполезно отрицать, что я не сама их разместила. Весь офис знал, что мы с Сугривиним некоторое время флиртовали, и, если даже удалось бы доказать, что половой акт действительно имел место, он, скорее всего, случился по *обоюдному согласию*! Самое меньшее, что меня ждет, это увольнение, а то еще статью за клевету припаяют...

– Он вас обвинял?

– Да нет, не обвинял – просто рассказывал, как все будет. По крайней мере, честно!

– И что дальше?

– Адвокат предложил мне «откат». Очень хороший, от которого невозможно отказаться. Особенно с учетом того, что меня ожидало в случае, если я откажусь.

– И вы согласились?!

– Вы не понимаете! Какие связи нужно иметь, чтобы на следующий же день после подачи заявления узнать об этом? Ему позвонили и сообщили!

– Кому?

– Кузьмину, генеральному. У него все везде схвачено, и мой голос ничего не значил!

– И много вам предложили?

– Миллион. Для меня это огромная сумма, я даже не представляла, как он, этот «живой» миллион, выглядит в купюрах!

Устинья и сама сомневалась, что сумела бы устоять.

– Лена, – начала она снова, – теперь же у вас все хорошо? Вы расскажете, что случилось, следователю? Если он поверит, что Сугривин...

– Да вы шутите, наверное! – перебила ее молодая мамаша. – Никто не знает – ни супруг, ни свекровь, ни мои родители... Это же стыдно, гадко! Даже не представляю, как муж отреагировал бы, узнав, что эта грязная свинья лапала меня своими потными ручищами! Кроме того, какой в этом прок? Сугривин мертв, так? Туда ему и дорога!

– Но меня обвиняют в убийстве – и все потому, что я якобы оклеветала его, обвинив в попытке...

– Сочувствую, – снова прервала Устинью Елена. – Мне нужно было выговориться – уфф, даже не думала... Но я ничем не могу вам помочь. Уверена, ваш следователь разберется. Смешно думать, что вы могли справиться с Сугривиним! Как его убили, застрелили?

– Нет, – упавшим голосом ответила Устинья, поняв, что такой прекрасный свидетель потерян. – Его забили до смерти железным ломом.

– Прекрасно! Кто-то на него очень разозлился...

Это точно, подумала Устинья. И следователь считает, что это была именно *она*!

* * *

Кладбище выглядело оживленно и походило не на место последнего упокоения, а скорее на великосветскую тусовку. В толпе «скорбящих» были лица, знакомые по сюжетам новост-

ных программ, а также, кажется, мелькнули пара-тройка известных физиономий из ток-шоу и сериалов.

– Похоже, Сугривин был известной личностью, – пробормотала Регина и украдкой взглянула на Захара, который стоял рядом, затянутый в строгий темный костюм, поверх которого, вопреки обыкновению, он надел не куртку, а короткое темное пальто. Ну почему он всегда так не одевается? Несмотря на длинные волосы, за которыми он, впрочем, хорошо ухаживал, и неизменную трехдневную щетину, делавшую его похожим на средневекового пирата, Захар выглядел внушительно (она чуть не сказала «гламурно», но это слово рядом с ее спутником просто не помещалось, поэтому Регина отогнала от себя крамольную мысль).

– Этот Кузьмин – известная личность, – возразил Захар сквозь зубы, оглядывая толпу, в которой резко выделялась группа людей в черном. Человек десять огромных мужиков, на которых костюмы сидели, как боевая сбруя на лошадях рыцарей-крестоносцев. На их фоне невысокая, субтильная фигура генерального директора пивного концерна смотрелась чужеродно и даже как-то жалко. – Они здесь ради него, а вовсе не ради этого утырка! – добавил он.

Регина с удивлением посмотрела на Захара. Надо же – неужели он и в самом деле проникся историей Устины?

– Что? – нахмурился он в ответ на ее вопросительный взгляд. – Ты же знаешь, я терпеть не могу толстосумов, которые считают, что им принадлежит весь мир!

О да, Регине это отлично известно, но развивать тему она не собиралась – сейчас есть другие приоритеты.

– Тебе не кажется, что они похожи на членов клана Корлеоне? – спросил Захар еще через некоторое время, пока с трибуны, установленной у края могилы, лились бесконечные речи, славящие покойника. Нынешняя жена, сидя на стуле рядом с Кузьминым, безучастно наблюдала за происходящим. Из всех присутствующих сидели только эти двое, остальные же плотно сгрудились вокруг. Время от времени взгляд вдовы устремлялся в сторону ворот, словно она торопила время, когда можно будет убраться отсюда. Красивая женщина с внешностью фото-модели – что она забыла рядом с Сугривиним?

– Ты и сам им под стать, – усмехнулась Регина в ответ на вопрос Захара. – Настоящий капореджиме!

– Кто-кто?

– Капореджиме¹ Питер Клеменца... ладно, не бери в голову! Господи, когда же они закончат трепаться?!

– Имей уважение к смерти, женщина, – прогундел Захар. – Даже если к самому покойнику его испытывать нельзя!

Наконец поток выступающих иссяк, и гробовщики начали опускать роскошный саркофаг в яму. Регине вдруг пришло в голову, что, невзирая на стоимость «тары», ее содержимое ждет один и тот же бесславный конец в желудках дождевых червей.

– Я пошла! – бросила она через плечо Захару.

Не успела адвокатесса приблизиться к Кузьмину, как один из телохранителей заступил ей дорогу, выбросив вперед руку, ширина запястья которой была вполне сравнима с толщиной Регининой икры.

– Убери грабли от девушки, – спокойно произнес Захар, тенью следовавший за ней. Он не пошевелился и не попытался отстранить лапищу охранника, но тон его голоса не оставлял сомнений в том, что он говорит серьезно. Регина всегда удивлялась тому, каким магическим образом Захар действует на окружающих – несмотря на то, что он отнюдь не выглядел

¹ От *итал.* caporegime – глава «команды», часто сокращается до «капо». В терминологии итало-американской мафии – представитель одной из высших «ступеней» в криминальной лестнице, который подчиняется непосредственно боссу криминальной «семьи».

громиллой, все легко понимали, что имеют дело с весьма опасным персонажем, последствия открытого столкновения с которым могут оказаться непредсказуемыми. Телохранитель Кузьмина не составил исключения и быстро отдернул руку, еще не успевшую коснуться тончайшей итальянской дубленки Регины. Сам Кузьмин, с интересом наблюдавший за происходящим, сделал шаг навстречу. Еще один мужчина, чей костюм под распахнутой кожанкой, судя по ее прикидкам, качеством не уступал боссу, в точности повторил его движение. Регина догадалась, что этот невысокий, плотный человек того же возраста, что и глава концерна, скорее всего, и есть начальник службы безопасности «Пугачеффа».

– Вы, видимо, адвокат обвиняемой в убийстве моего племянника? – задал он вопрос, который больше походил на констатацию известного факта.

– *Подозреваемой*, Илья Дементьевич, – поправила она, вежливо улыбнувшись. – Пока всего лишь подозреваемой. Примите мои соболезнования по случаю гибели вашего родственника!

– Благодарю, – кивнул глава концерна после паузы, в течение которой пристально изучал лицо Регины. Она давно привыкла к тому, как большинство людей реагируют на ее экзотическую внешность, и научилась не обращать внимания. – Вы, видимо, хотите со мной поговорить?

– Верно. Когда мы могли бы...

– Прямо сейчас, – оборвал ее Кузьмин. – Если не возражаете, в машине. У меня очень мало времени.

– Все в порядке, Захар, – сказала Регина, заметив, что ее спутник слегка напрягся. – Илья Дементьевич вряд ли намерен меня обидеть!

– Вы можете следовать за нами на своей машине, – поспешил добавить начбез, правильно оценив создавшуюся ситуацию. – Ваша дама будет в полном порядке!

Регина проследила за тем, как Захар сел в ее «Крайслер», на котором они приехали на кладбище, и только потом забралась в лимузин Кузьмина. Она не столько боялась за себя, так как сомневалась, что генеральный директор способен покуситься на ее жизнь и здоровье на глазах у кучи народа, сколько опасалась, как бы бешеный темперамент Захара не сослужил им обоим плохую службу. К счастью, он повел себя прилично, чем весьма ее порадовал, и Регина со спокойным сердцем погрузилась в мягкий, удобный салон. Ей не раз приходилось путешествовать в подобных авто, в конце концов, среди ее клиентов – сплошь состоятельные люди. Несмотря на то, что внутри лимузины чертовски удобны, на дороге они похожи на неповоротливых гусениц, поэтому Регина не жаловала подобные машины, считая их проявлением ненужных «понтов».

– Я слышал, вы очень хороший адвокат. – Кузьмин заговорил первым, как только машина тронулась. – И дорогой. Дело Попковой – не ваш уровень, так почему же вы решили за него взяться?

– У меня свои причины, – ответила Регина.

– Вы знали моего племянника?

– О, поверьте, мои причины никак не связаны с покойным! Просто я считаю, что людям вроде вас и в некоторой степени меня иногда не мешает опуститься на грешную землю и... смешаться с толпой, если можно так выразиться.

– Что ж, – вздохнул Кузьмин, не сводя с нее пристального взгляда, – я не стану допытываться, хотя догадываюсь, что вы не желаете говорить правду. Адвокаты – не самый откровенный народ, верно?

– Откровенность в нашей профессии скорее губительна, – подтвердила она.

– Так о чем вы хотели поговорить?

– О вашем покойном племяннике, разумеется. Кажется, он слыл большим любителем противоположного пола?

– Разве это преступление? – вопросом на вопрос ответил Кузьмин. – Мне всегда представлялось, что любовь к женщинам добавляет нашему брату очков!

– Ну, это только в том случае, когда «любовь» взаимна, – парировала Регина.

– Вы о беспочвенных обвинениях убийцы?

– Не такие уж они и беспочвенные.

– Уверяю вас, Регина...

– Савельевна.

– Регина Савельевна, то, в чем ваша подопечная пытается обвинять моего племянника, – плод ее воспаленного воображения. Не удивлюсь, если она сама на что-то надеялась, работая бок о бок с Егором, но он, видите ли, предпочитал более эффектных женщин. Чем, скажите, Попкова могла его привлечь? Она показалась мне более чем ординарной, ничем не примечательной девицей. Вы видели последнюю жену Егора?

– Видела. И видела самого Егора. Согласна, что Устинья, возможно, не фотомодель... хотя, знаете, как говорят – кому нравится поп, кому попадья...

– ...а кому – поповская дочка, – закончил за нее генеральный директор.

– Вот именно. Но и ваш племянник отнюдь не являлся, вы уж меня простите великодушно, мечтой каждой женщины! Неужели вы всерьез полагаете, что ни одна девушка, привлекавшая его внимание, ему не отказывала?

– Какие нынче *девушки!* – развел руками собеседник Регины. – Егор и впрямь не отличался внешней красотой, но у него имелись другие «активы».

– Вы имеете в виду деньги?

– Деньги, связи и многое другое, что позволяет пустить пыль в глаза. Юные девицы падки на спецэффекты – это я вам как человек с большим опытом заявляю! Но даже если допустить, что Егор позволил некие вольности в общении с кем-то из них, то жалоб ведь нет, верно?

– Откуда вы знаете?

– Вы бы сами не преминули мне указать на эти факты, имей они место! Но у вас ничего нет, и вы хватаетесь за какие-то непонятные слухи. Руководствуетесь пословицей «Нет дыма без огня»?

– Нет, словами моей клиентки.

– Верите ей безоговорочно?

– *Мои* клиенты *меня* не обманывают – это главное правило адвоката.

– Можно врать всему миру, но не собственному адвокату? – усмехнулся Кузьмин. – Послушайте, Регина Савельевна, я не хочу быть грубым, но, боюсь, от меня вы не получите сведений, которых ожидаете. В конце концов, я переживаю невосполнимую потерю, уже вторую за этот месяц, и я не намерен выслушивать инсинуации в адрес члена моей семьи!

– Простите, если я оскорбила вас своими предположениями, – решила сделать шаг назад Регина – в конце концов, она не в зале суда, и ее не слушают присяжные. – На самом деле я хотела спросить о работе Егора.

– О работе?

– Насколько важной была его должность в концерне?

– Вы же в курсе, что он являлся моим заместителем?

– Да, но чем конкретно он занимался? У вас только один заместитель?

– Нет, конечно. Егор был заместителем по связям с общественностью.

– И насколько важной была его работа?

– Очень важной: через него концерт общался с внешним миром... Я не пойму, к чему эти вопросы?

– Просто пытаюсь выяснить, не мог ли ваш племянник помешать кому-то – конкурентам, к примеру?

– То есть его «заказали»? Чушь!

– Почему?

– Да потому что, если бы кому-то требовалось обезглавить «Пугачеффа», они взяли бы за меня, за любого из членов совета директоров или... короче, за кого-то более весомого, чем Егор! Его роль была важна, однако не настолько, чтобы убивать.

– То есть ваш племянник не принимал стратегических решений?

– Верно.

– И все же вы его наняли. Вас не смущало то, что он – член семьи?

– В каком смысле?

– Я вот, к примеру, знаю, что на Западе не принято нанимать родственников, если только это – не семейное предприятие. «Пугачефф» ведь таковым не является?

– Лично я не вижу в этом ничего криминального!

– На этой должности до Егора работал другой человек.

– Вы знаете, что это была *она*? Вы правы, работала. Очень хороший человек.

– И моя подзащитная долгое время была ее правой рукой. Этот «хороший человек» рассказывала вам, что девушка не справляется, ведет себя как-то не так, и вообще...

– Неужели вы всерьез полагаете, что мы с Рафией обсуждали ее *секретаршу*?! – перебил генеральный. – Да я понятия не имел, кто она такая, пока мне ее следователь не показал – я даже не знал, что Попкова работает в «Пугачеффе»!

Лимузин замедлил ход, и Регина поняла, что сейчас разговор закончится – они, видимо, прибыли на место.

– Последний вопрос можно? – поторопилась сказать она, прежде чем Кузьмин вытолкает ее вон.

– Валяйте!

– Почему, раз Галиева являлась эффективным работником, вы с ней расстались?

– Вы и тут подвох подозреваете? Напрасно. Рафия ушла сама – по личным мотивам. Ее уход стал для меня неожиданностью, но должность освободилась, и я решил – почему бы Егору ее не занять? А теперь, простите, мне пора на совещание!

Регина вышла, поднялась на парапет и проводила глазами стройную, жилистую фигуру Кузьмина в сопровождении телохранителей. Через минуту подъехал Захар и, перегнувшись через сиденье, распахнул дверцу. Регина грациозно скользнула в салон.

– Ну, и как успехи? – спросил он, и по его тону она поняла, что Захар весьма скептически отнесся к идее беседы с генеральным директором «Пугачеффа».

– Кое-что есть, – задумчиво пробормотала Регина, разглаживая юбку на коленях. – Например, я пришла к выводу, что роль Сугривина в концерне была не слишком значительной, несмотря на должность. Странно, не находишь?

– Нет, потому что я тебе еще не рассказал, что накопал на него.

– Ты что-то накопал и до сих пор молчал?!

– Сначала хочу послушать, что тебе наш «бонза» поведал. Не волнуйся, я от тебя ничего не утаю – все узнаешь в свое время! Так есть новости?

– Не то чтобы новости – так, информация к размышлению. У Устиньи создалось впечатление, что ее босс, предшественница Сугривина, была буквально выдвлена им со своей должности, однако Кузьмин, хорошо о ней отзываясь, говорит, что та ушла по собственной инициативе. Якобы должность освободилась и ему буквально *пришлось* пригласить племянника.

– Ну да! – скривился Захар. – А о том, что обычно на такие должности проводится конкурс, он и слыхом не слыхивал!

– Кроме того, – продолжала Регина, – Кузьмин утверждает, что понятия не имел о существовании Устиньи до встречи со следователем. Однако, учитывая вышесказанное, как-то сомнительно, что у Сугривина были рычаги, чтобы убрать ее из финансового отдела!

– Намекаешь, что такое под силу только человеку, облеченному реальной властью – кому-то вроде Кузьмина?

– Точно. Хотя, конечно, нельзя сбрасывать со счетов и личные отношения между покойником и начальником отдела. Может, они просто договорились – так сказать, услуга за услугу... А теперь я хочу услышать твою историю!

– Ну, ты слишком много-то не ожидай – я только начал, – притормозил ее Захар. – Но уже сейчас ясно, что Сугривин – то еще «приобретение» для «Пугачеффа»!

– В смысле?

– Мужик ни на одном месте долго не задерживался. Хотя, надо признать, образование у него прекрасное: два года в Финэке и еще четыре – в Лондонской школе экономики и политических наук.

– Учился за границей? Интересно! И с таким образованием и, судя по всему, опытом работы ему досталась должность зама генерального по связям с общественностью?

– Удивительно, да? Казалось бы, экономист с международным дипломом...

– Кстати, а как насчет опыта – удалось выяснить, где до «Пугачеффа» работал Сугривин? Что, если он нажил себе врагов на старых местах, а потом спрятался за спиной у дяди?

– В подробности я не вдавался, но, – Захар крикнул и полез в задний карман брюк, – вот, держи.

Регина быстро пробежала список глазами.

– Ничего себе! – присвистнула она. – И это все – за шесть лет?

– Раньше таких, как Сугривин, если не ошибаюсь, называли «летунами», – кивнул Захар. – Он нигде не задерживался дольше трех-четырёх месяцев. Непонятно – компании-то сплошь солидные, и для того, чтобы устроиться в них, обычно требуется пройти неслабый конкурс! Если Сугривин их устраивал, то почему они так легко с ним расставались?

– Сможешь это узнать?

– А то! Только нужно больше времени.

– Как работа?

– Ой, не делай вид, что тебе интересно!

Регина обиделась – каждый раз, когда она пытается выказать участие, Захар отчего-то чувствует себя оскорбленным – да что с ним не так?!

– Хорошо, не буду, – сказала она сухо. – Едем в офис!

* * *

Артур с удовольствием разглядывал сидевшую напротив него девушку. Регина Савельевна вряд ли одобрит принцип, по которому он выбирал ту, у кого бы выведать необходимую информацию – она должна была быть симпатичной блондинкой, желательна со светлыми глазами. Марина была именно такой.

Два дня он провел «в засаде», пытаясь понять, как проникнуть в «Пугачефф». Это представлялось не таким уж легким делом: вход туда только по пропускам. Артур не хотел рисковать, поэтому выжидал, присматривался, прикидывал. Люди в деловых костюмах и рабочие в комбинезонах беспрестанно сновали туда-сюда, так что у парня даже начало рябить в глазах. Однако среди этого черно-бело-серого народа мелькали порой цветные вкрапления. Посыльные! Некоторые подкатывали на машинах, другие приходили пешком, нагруженные коробками с пищей и сэндвичами. Были и такие, на боку которых болтались внушительных размеров сумки с логотипами. Артур понял, что, если хочет проникнуть внутрь, ему позарез нужно раздобыть такую сумку. Что он и сделал, дождавшись посыльного у входа. Пришлось выложить раз в пять больше, чем она стоила, но Регина Савельевна выдала достаточно денег «на накладные расходы», а Артуру требовалось доказать, что он чего-то стоит. Алене поручают серьезные

дела, а его считают чем-то вроде мебели. Нет уж, Собакиной придется подвинуться и перестать задирать нос – подумаешь, без пяти минут член коллегии... Он возьмет не знаниями, а актерским талантом и обаянием!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.